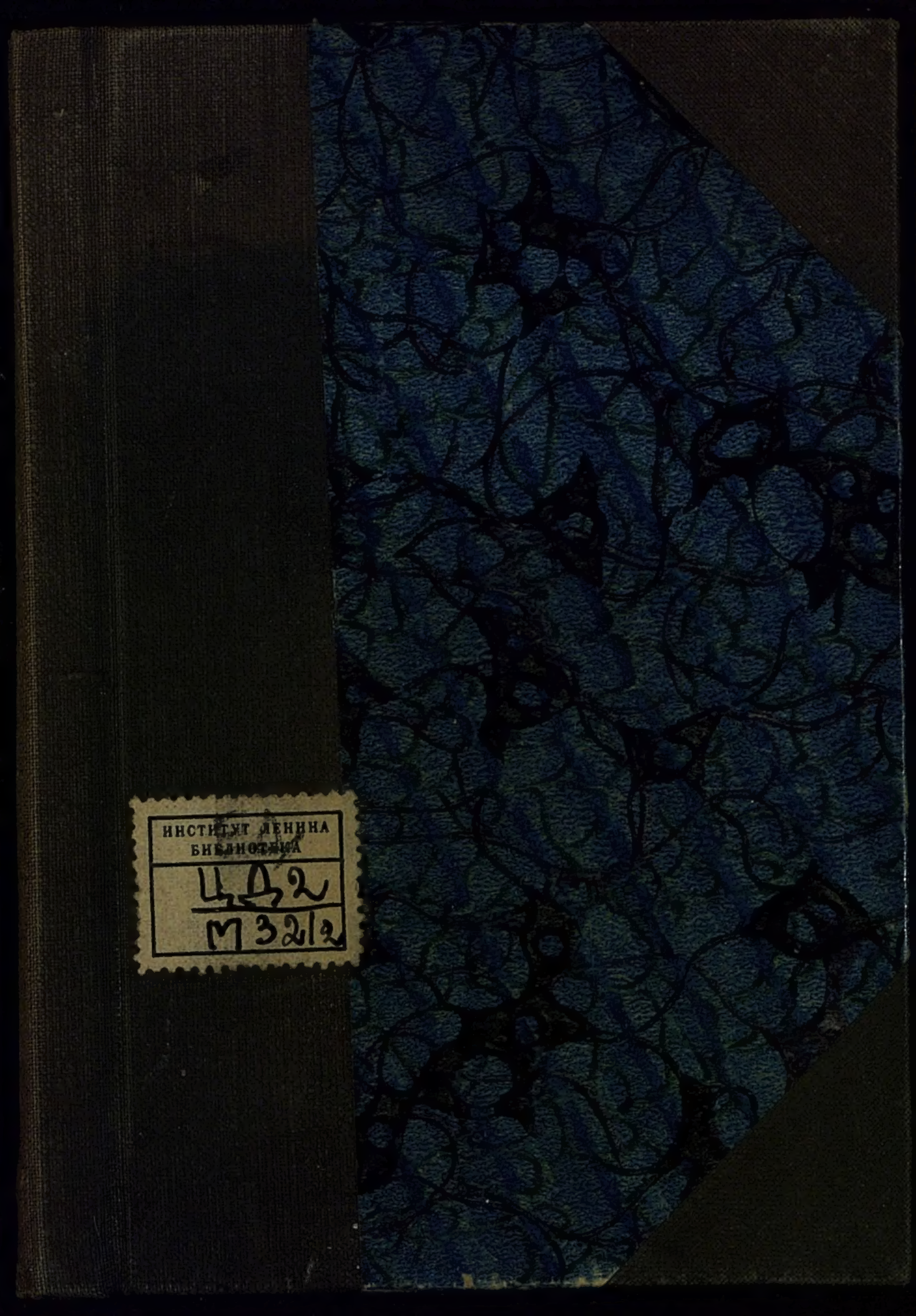

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЦД2
М 32/2

МЕЖДУНАРОДНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Томъ II.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

БІОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I.

(Materialien zur Biographie des Kaisers Paul I.)

Второе изданіе

LEIPZIG: E. L. Kasprowicz. | ЛЕЙПЦИГЪ: Э. Л. Каспровичъ

1875.

МАТЕРІАЛЫ

для

БІОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I.

(Materialien zur Biographie des Kaisers Paul I.)

Второе изданіе.

ЛЕЙПЦИГЪ:
Э. Л. Каспровичъ.

LEIPZIG:
E. L. Kasprowicz.

1875.

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ

О

ПРОИСХОЖДЕНІИ

ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I.

Короткое царствованіе Петра III внесется въ лѣтописи нашей исторіи самымъ замѣчательнымъ образомъ. Двѣ женщины Екатерина II и Екатерина Воронцова-Дашкова съ двумя Орловыми и съ нѣсколькими другими, замыслили свергнуть съ трона Петра Ѳеодоровича, и имъ удалось безъ малѣйшаго кровопролитія — чѣмъ этотъ coup d'etat и отличается отъ всѣхъ прочихъ, произведенныхъ когда нибудь во дворцахъ, гаремахъ и на площадяхъ, однакожъ не мѣшало Петру III, послѣ своего отреченія, какъ извѣстно, на восьмой день умереть. Перевезенный въ Ропшу, въ закрытой на глухо каретѣ, съ гренадерами на подножкахъ, запяткахъ и козлахъ, онъ былъ задушенъ Орловыми! Кровь все таки не была пролита! Полуграмотный Алексѣй Орловъ пишетъ записку къ Екатеринѣ. "матушка, пощади и помилуй, муракъ нашъ вздумалъ драться, мы его и порѣшили!"

Петръ III былъ самое жалкое нѣмецкое существо, и самое жалкое существо, какое когда либо было на Россійскомъ престолѣ. Безъ малѣйшаго современнаго образованія, безъ воспитанія, пьяница, безъ всякой энергіи, слабоумный императоромъ какъ и великимъ княземъ, онъ только игралъ въ солдатики, прогонялъ сквозь строй крысъ, ихъ вѣшалъ, напередъ осудивъ военнымъ судомъ съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ казни, оставляя висѣть ее трое сутокъ. Императоръ стоялъ на часахъ, у дверей прусскаго посланника во изъявленіе своего глубокаго уваженія, къ прусскому королю Фридриху великому, котораго впрочемъ предостереженія не спасли его. Ненавидѣлъ и унижалъ безпрестанно жену свою, и иногда за большимъ столомъ, посреди своихъ Голштинцевъ ругалъ ее дурою, онъ въ тоже время продолжалъ любить дѣвицу фрейлину графиню Елисавету Воронцову, которая послѣ въ замужествѣ была за Полянскимъ, родную сестру Екатерины Воронцовой-Дашковой.

Еще при царствованіи Елисаветы, будучи веволикой княгиней, Екатерины супружеское ложе не посѣщалось милымъ другомъ, и горько объ этомъ она плакала, и Елисавета заставшая разъ ее въ слезахъ, замѣтила Екатеринѣ, что молодыя

женщины не любящія мужей, всегда объ этомъ плачутъ, а надобно было непремѣнно имѣть наслѣдника престола. Русскіе царедворцы и министры того времени не могли какъ и теперь существовать безъ повелителей. Министръ, великій канцлеръ, графъ Бестужевъ, чрезъ преданную статсъ-даму Чоглакову, приставленную съ мужемъ своимъ къ великой княгинѣ, какъ и къ великому князю, одинъ изъ первыхъ совѣтовалъ Екатеринѣ, взять къ себѣ въ любовники кого нибудь, чтобъ имѣть наслѣдника. Бестужевъ и подобные ему не видали другаго блага для Россіи, какъ въ самодержавіи, а "самодержавіе повсюду бѣдъ содѣтель", стихъ Якова Княжнина въ его напечатанной трагедіи *Вадимъ Новгородскій,* за которую онъ въ царствованіе Екатерины II въ 1791 году былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость и засѣченъ до смерти въ тайной канцеляріи, страшнымъ того времени Санктпетербургскимъ полицеймейстеромъ Шишковскимъ. Дашкова въ своихъ запискахъ, кадя безпрестанно во всемъ Екатеринѣ II, объ этомъ нисколько не упоминаетъ, какъ и объ множествѣ произшествій этого рода.

Екатеринѣ понравился прекрасный собою, молодой Сергѣй Салтыковъ, отъ котораго она и

родила мертваго ребенка, замѣненнаго въ тотъ же день родившимся въ деревнѣ Котлахъ, недалеко отъ Ораніембаума, Чухонскимъ ребенкомъ, пазваннымъ Павломъ, за что все семейство этого ребенка, самъ пасторъ съ семействомъ и нѣсколько крестьянъ, всего около 20 душъ, изъ этой деревни на другой же день, сосланы были въ Камчатку. Ради тайны деревня Котлы была снесена, н вскорѣ соха запахала и самое жилье. Въ наше время этого дѣлать почти невозможно; но не надо забывать, что это было во время слова и дѣла и ужасной пытки; а между тѣмъ сосѣдъ этой деревни Котлы, Карлъ Тизенгаузенъ, тогда еще бывшій юношей, передалъ объ этомъ происшествіи сыну своему, сосланному въ Сибирь по 14 Декабря, Василію Карловичу Тизенгаузену.

Екатерина въ своихъ запискахъ намекаетъ, что она родила Павла отъ Салтыкова. Это очень легко можетъ быть; но въ тоже время, этого ребенка, она говоритъ, родила въ ужасныхъ мукахъ, и что она не сомнѣвалась его выкинуть. Въ это же самое время, она находилась подъ вліяніемъ сильной ипохондріи, готовая плакать всякую минуту и по всякому случаю, не могши, какъ она сама говоритъ, выгнать изъ головы

мысль, что все клонилось къ удаленію Сергѣя Салтыкова, котораго она уже такъ нѣжно любила. Муки ея продолжались 22 часа, и сама императрица Елисавета находившаяся при родахъ, тотчасъ велѣла взять ребенка и нести его за собою. Кто можетъ ручаться, что спеленанной младенецъ, уже нарѣченный духовникомъ императрицы Павломъ, былъ не мертвой ребенокъ, и особенно въ спальнѣ великой княгинн, занавѣшенной занавѣсками? Екатерина весь этотъ эпизодъ разсказываетъ, чтобъ ей непремѣнно повѣрили, что она родила живаго ребенка, объ крикѣ котораго она совершенно умолчала, а крикъ то и составляетъ радость матери, и что значитъ по веденіе съ Екатериною послѣ родовъ? Мучившись столько времени, всѣ ее тотчасъ оставили. Приставленная къ ней камеръ-фрау Владиславова, видя ее вспотѣвшую не смѣла ей перемѣнить бѣлья; Екатерина просила пить, ей не давали, просила переложить съ родильной постели на ея постель, тоже не смѣли сдѣлать; нѣсколько разъ приказывала позвать повивальную бабушку, и та къ ней не являлась. Наконецъ послѣ трехъ часовъ явилась графиня Шувалова, вся разряженная, вскрикнувъ, что въ такомъ положеніи какъ оставлена великая княгиня можно умереть, и что

только по уходѣ графини Шуваловой, черезъ полчаса явилась бабушка, извинявшаяся, что императрица была очень занята ребенкомъ и не отпускала ея отъ себя ни на минуту. Екатерина продолжаетъ въ своихъ запискахъ, что заливалась слезами съ той самой минуты, какъ родила. Ее особенно огорчало то, что ее совершенно бросили. Послѣ тяжелыхъ и болѣзненныхъ усилій, она оставалась рѣшительно безъ призора, между дверьми и окнами плохо въ спальнѣ затворявшимися и въ какое время — 20 Сентября? Постель ея была въ двухъ шагахъ и не имѣя силъ перейти, никто не смѣлъ перенести ее. Объ ней вовсе не думали, она умираетъ отъ жажды, проситъ пить, и никто не слышитъ ее, и какъ сама пишетъ, что въ этотъ день какъ она родила по уходѣ императрицы, великаго князя, графа и графини Шуваловыхъ, она никогда больше не видала, и никто не присылалъ навѣдываться о ея здоровьи, даже и во второй день, когда почувствовала нестерпимый ревматизмъ въ ногѣ и сильную лихорадку, никто не приходилъ къ ней, и никто не присылалъ спросить, что было съ нею.

Что же все это доказываетъ, что при искуственномъ возпроизведеніи наслѣдника русскому престолу, Екатеринѣ не удалось родить живаго

мальчика отъ Салтыкова; и какъ видно, что должны были подмѣнить изъ Чухонской деревни Котловъ, за что пустая и злая императрица Елисавета, открывшая свою досаду, обнаружила ее тѣмъ, что послѣ родовъ Екатерина, оставленная безъ всякаго призора, могла бы умереть, еслибъ не крѣпкій организмъ Екатерины все вынесшій, какъ мы видѣли изъ самаго описанія ея. Итакъ не только Павелъ произошелъ не отъ Голштинской династіи, но даже и не отъ Салтыкова. Къ Екатеринѣ только чрезъ 40 дней, когда ей должно было брать очистительную молитву, пришла Елисавета и застала ее истощенную, истомленную и слабую. Елисавета даже позволила ей сидѣть на кровати. Съ 20 Сентября Екатеринѣ позволено было видѣть своего сына въ третій разъ. Это можетъ служить доказательствомъ, что прочимъ было не позволено совсѣмъ видѣть. Надобно было прятать ега какъ Чухонца.

Изъ семейства, изъ котораго взяли будущаго наслѣдника Русскаго престола, въ сѣверо-восточной Сибири въ послѣдствіи явился братъ Павла I, по имени Аѳанасій Петровичь въ 1823 или 1824 годахъ, въ народѣ прозванный Павломъ, по разительному съ нимъ сходству. Онъ велъ подъ старость бродяжническую жизнь, и въ городѣ

Красноярскѣ один мѣщанинъ Старцовъ былъ очень съ нимъ друженъ, и Афанасій Петровичь крестилъ у него дѣтей. Какъ то разъ Старцовъ написалъ безъименное письмо къ покойному цесаревичу Константину Павловичу, гдѣ увѣдомляетъ объ его родномъ дядѣ бродягѣ Афанасьѣ Петровичѣ, его скитальческой жизни, о необыкновенномъ сходствѣ съ покойнымъ императоромъ Павломъ I, и наконецъ всю исторію ссыкли ихъ семейства. Цесаревичь Константинъ передалъ письмо императору Александру, а тотъ графу Аракчееву, который тотъ-часъ же посылаетъ императорское повелѣніе въ Сибирь къ генералъ-губернатору Капцевичу наистрожайшее приказаніе непремѣнно отъискать по этому письму какъ писавшаго, такъ и Афанасія Петровича. Капцевичъ вытребовалъ изъ Тобольска расторопнаго полицмейстера Александра Гавриловича Алексѣевскаго, который беретъ съ собою квартальнаго изъ казаковъ г. Посѣжерскаго и еще двухъ простыхъ казаковъ, и отправляется отъискивать по восточной Сибири, въ которой народъ не очень охотно пособляетъ отъискивать кого либо скоро, а особливо политическихъ несчастныхъ...

Бѣдный полицмейстеръ Алексѣевскій не спитъ ночи. Всѣ его мысли сосредоточены, какъ бы

отъискать и получить награду, ѣздитъ изъ города въ городъ, изъ села въ село, изъ деревни въ деревню — и все безъ успѣха. Тоска овладѣла имъ, началъ видимо худѣть, наконецъ доѣхавши до Иркутска, гдѣ совершенно потерялъ слѣдъ Афанасія Петровича, обратился назадъ, и остановился въ городѣ Красноярскѣ, гдѣ ночевавши, въ одну изъ безсонныхъ ночей, въ зимнюю долгую ночь, очень рано вставъ, видитъ, что хозяйка дома затопила печь, проситъ ее поставить самоваръ и вступаетъ съ нею въ разговоръ, и между разговоромъ спрашиваетъ, нѣтъ ли у ней кого въ городѣ знакомаго, хорошо и четко пишущаго. Ему надобно писаря въ коммиссію по заготовленію провіанта. Въ это самое время Гатчинскій генералъ-губернаторъ Капцевичь, въ видахъ экономіи, вздумалъ продовольствовать войска съ Сибири чрезъ исправниковъ и своихъ адъютантовъ, закупавшихъ хлѣбъ изъ первыхъ рукъ у самыхъ жителей, что давало случай имъ безнаказанно дѣлать всякія злоупотребленія, покупавши по баснословно-дешевой цѣпѣ, почти даромъ! Это довело крестянъ въ Сибири до того, что имъ нечѣмъ было платить государственныя подати. У крестьянина на подати продавали послѣднюю корову. Ропотъ былъ страшный. По многимъ

мѣстамъ было волненіе. Капцевича какъ неспособнаго человѣка смѣнили, при самомъ восшествіи на престолъ Николая! Полицмейстеръ Алексѣевскій могъ отвести всякое подозрѣніе тѣмъ, что отъискивалъ себѣ писаря въ коммиссію по заготовленію провіанта, за которымъ безпрестанно ѣздили исправники и адъютанты Капцевича. Хозяйка Алексѣевскаго отвѣчаетъ: какъ же батюшкя, у насъ здѣсь въ городѣ есть мѣщанинъ, который оченно хорошо пишетъ; наврядъ ли онъ пойдетъ. У него есть свой домъ. — Матушка пошли за нимъ! А у самаго полицмеѣстера тутъ же родилось какое-то радостное предчувствіе, что можетъ быть этотъ и есть мѣщанинъ, писавшій письмо. Приходить мѣщанинъ, крестится иконѣ, кланяется полицмейстеру Алексѣевскому, спрашиваетъ его, что батюшка вамъ угодно? — Мнѣ, братецъ, необходимъ писарь въ коммиссію, къ заготовленію провіанта, не хотите-ли ко мнѣ въ писаря! — Куда мнѣ батюшка, не могу, не въ состояніи. Не съ кѣмъ покинуть домъ. — Но пожалуйста покажите, какъ вы пишете? — Мѣщанинъ взялъ бумагу и началъ писать. Полицмейстеръ Алексѣевскій хвалитъ письмо и скрываетъ радость, что видитъ сходство руки съ письмомъ у него имѣющимся. Проситъ продол-

жать писать, продолжая спрашивать, вы всегда однимъ этимъ почеркомъ пишете. — Всегда-съ. — А это, вынимая письмо изъ боковаго кармана, это вашею рукою писано? — Мѣщанинъ поблѣднѣлъ и упалъ на колѣни. Не погубите, ваше высокоблагородіе! — Какъ ваша фамилія? — Старцовъ. — Я тебя теперь не отпущу. Пошли домой за шубой, дорожной шапкой, за теплыми сапогами. Мы вмѣстѣ поѣдемъ отъискивать Афанасія Петровича. — Да былъ онъ у меня съ двѣ недѣли тому назадъ. — Поѣхали искать Афанасія Петровича по слѣдамъ и Богъ знаетъ сколько времени проискали бы, потому что жители не охотно отвѣчали на распросы. Наконецъ, въ одной большой деревнѣ, измученный полицмейстеръ Алексѣевскій, со своими людьми и мѣщаниномъ Старцовымъ, пріѣхалъ къ одной хорошо выстроенной большой избѣ переночевать, и Старцовъ полѣзъ грѣться на полати, какъ вдругъ входитъ самъ Афанасій Петровичь, которому съ полатей кричитъ мѣщанинъ Старцовъ: здравствуй Афанасій Петровичь, старый мой знакомецъ! при неописанной радости Тобольскаго полицмейстера Алексѣевскаго, который сначала отъ душевнаго волненія не могъ слова проговорить. Опамятавшись отъ радости, тотчасъ обращается къ Афа-

насію Петровичу и спрашиваетъ его утвердительно, что точно ли его зовутъ Аѳанасіемъ Петровичемъ. Впрочемъ по разительному сходству съ императоромъ Павломъ I, не позволилъ себѣ полицмейстеръ и минуты сомнѣваться. — Точно батюшка, меня зовутъ Аѳанасьемъ Петровичемъ, и вотъ мой хорошій пріятель мѣщанинъ Старцовъ. — Ну, такъ я васъ арестую и повезу въ Петербургъ. — Что нужды батюшка, вези къ нимъ. Я имъ дядя, только къ Костѣ, а не къ Сашѣ. — Полицмейстеръ Алексѣевскій въ туже минуту понесся въ Петербургъ. Выѣзжая изъ Томска, полицмейстеръ Алексѣевскій встрѣтилъ фельдъегеря Сигизмунда, ѣхавшаго изъ Петербурга по высочайшему повелѣнію узнать объ успѣхѣ разъискиванія. Чрезъ нѣсколько лѣтъ потомъ, когда Алексѣевскій разсказывалъ о Старцовѣ и объ Аѳанасіѣ Петровичѣ одному изъ Декабристовъ фонъ-Бригену, нечаянно вошелъ къ нему самъ фелдъегерь Сигизмундъ, привезшій въ Тобольскъ какого-то поляка, и подтвердившій все разсказываемое Алексѣевскимъ и между прочимъ, оба разомъ вспомнили, что они въ Петербургъ неслись какъ птицы.

Накоцъ не полицмейстеръ Алексѣевскій прискакалъ въ Петербургъ къ графу Алексѣю Ан-

древичу Аракчееву, который съ важной претензіей на званіе государственнаго человѣка, съ гнусливымъ выговоромъ, проговорилъ входящему полицмейстеру Алексѣевскому: спасибо братецъ, спасибо и тотчасъ же поѣзжай въ Ямскую, тамъ тебѣ назначена квартира изъ которой не смѣй отлучаться до моего востребованія, и чтобъ тебя никто не видѣлъ и не слышалъ — смотри ни гугу.

Полторы сутки прождалъ зовъ Аракчеева Алексѣевскій, какъ вдругъ прискакиваетъ за нимъ фельдъегерь. Аракчеевъ вынесъ ему Анну на шею, объявилъ слѣдующій чинъ и отъ императрицы Маріи Федоровны передалъ 5,000 рублей ассигнаціями. Сей часъ выѣзжай изъ Петербурга въ Тобольскъ. Повторяю, смотри ни гугу.

Мѣщанинъ Старцовъ и Афанасій Петровичь, какъ водится были посажены въ Петропавловскую крѣпость. Помнять многіе и особенно членъ государственнаго совѣта дѣйствительный тайный совѣтникъ Дмитрій Сергѣевичь Ланской, разсказывавшій своему племяннику Декабристу, князю Александру Ивановичу Одоевскому, что по ночамъ къ императору Александру въ это время изъ крѣпости привозили какого-то старика и потомъ опять отвозили въ крѣпость.

Мѣщанинъ Старцовъ просидѣвшій семь мѣсяцевъ въ Петропавловской крѣпости, возвращался черезъ Тобольскъ въ свой городъ Красноярскъ худой, блѣдный, изнеможенный. Онъ видѣлся въ Тобольскѣ съ полицмейстеромъ Александромъ Гавриловичемъ Алексѣевскимъ; но ничего не говорилъ, что съ нимъ было въ крѣпости, въ которой конечно въ назиданіе и въ предостереженіе на будущій разъ, не писать подобныхъ писемъ къ августѣйшимъ особамъ напели на него такой страхъ, отъ котораго онъ опомниться не могъ, не смѣя разкрыть рта; а Алексѣевскому какъ онъ самъ признавался, очень хотѣлось знать всѣ подробности его пребыванія въ крѣпости.

Состарѣвшійся придворный Свистуновъ зналъ объ рожденіи Павла I, и за это Павломъ былъ ласкаемъ и одаренъ большимъ имѣніемъ; но за какую-то свою нескромность объ этомъ, пересказанную Павлу, приказано Свистунову Павломъ жить въ своихъ деревняхъ и не смѣть оттуда выѣзжать.

Вотъ почему императоръ Павелъ I былъ злой, онъ былъ чухонецъ, а извѣстно эта раса весьма зла! Вотъ почему онъ придирался ко всему тому въ чемъ сколько нибудь его личное, мелкое самолюбіе могло быть чѣмъ нибудь затронуто, онъ

приходилъ въ бѣшенство, онъ думалъ притомъ, что всѣ знаютъ его чухонское рожденіе; а между тѣмъ рожденіе его не могло быть совсѣмъ скрыто отъ приближенныхъ Екатерины II; почему теперь и объясняется, дѣланное великому князю Павлу Петровичу неуваженіе Потемкинымъ-Таврическимъ, который въ зимнемъ дворцѣ, при проходѣ его въ амбразурѣ окна, положа ноги напротивъ стоящее кресло, не только не вставалъ, но и не отнималъ ихъ, что необыкновенно всегда бѣсило Павла Петровича.

Мелкая душа Павла I и кропотливое самолюбіе его, безъ истиннаго чувства собственнаго достоинства дѣлали его извергомъ. При проѣздѣ въ Москву на коронацію, остановившись на ночлегъ въ какой-то деревнѣ, позвавъ къ себѣ этой деревни стараго раскольника, вошедшаго къ нему въ шапкѣ, приказалъ его за это заковать въ желѣзы и сослать въ Сибирь въ каторжную работу, а деревню сжечь!!! — За написаніе стиха на Исакіевскій Соборъ что

Сей храмъ двумъ царствіямъ приличный,
Низъ мраморный, а верхъ кирпичный —

Павелъ приказалъ отрѣзать языкъ; а впослѣдствіи времени оказался что не тотъ написалъ стихи, кому отрѣзали языкъ!!!...

Найденно графомъ Ростопчинымъ въ своей подмосковской деревнѣ, письмо Павла къ его отцу, извѣстному въ 1812 году Ерострату Москвы, въ которомъ Павелъ пишетъ, что не признаетъ дѣтей своими. Нѣкоторыхъ правда могъ, но не всѣхъ!

Этимъ открытіемъ рожденія Павла отъ чухонца, также еще объясняется глубокая меланхолія, въ которою впалъ въ послѣднія два года своей жизни покойный императоръ Александръ. Можно себѣ представить какъ тягостно должно было быть для него то чувство, что онъ разъигрываетъ роль обманщика предъ цѣлой Россіей, а къ тому же опасеніе, что это очень легко можетъ открыться, потому что ничего нѣтъ тайнаго, чтобы не сдѣлалось явнымъ...

Въ 1846 году кто-то слушая исторію Афанасья Петровича, назвалъ императора Николая Карломъ Ивановичемъ. Дакъ тому же въ этотъ годъ въ Гатчинѣ самъ Николай игралъ на театрѣ роль булочника Карла Ивановича. И вотъ Карлъ Ивановичь, Карлъ Ивановичь — разнеслось по Россіи. Даже распустили слухъ, что бабка Николая живетъ въ Петербургѣ въ Галерной улицѣ. Николай бѣсился и велѣлъ отъискать назвавшаго его Карломъ Ивановичемъ. Николай хорошо зналъ на что намекали.

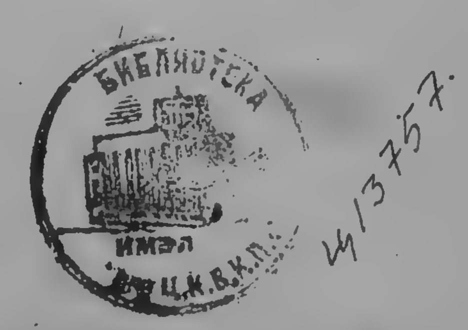
СОБСТВЕННОРУЧНЫЯ ПИСЬМА

ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I.

КЪ

АТАМАНУ ДОНСКАГО ВОЙСКА ГЕНЕРАЛУ ОТЪ КАВАЛЕРІИ ОРЛОВУ I.

(Списаны съ подлинниковъ).

I.

С. Петербургъ, Января 12, 1801 года.

Англичане приготовляются сдѣлать нападеніе флотомъ и войскомъ на меня и на союзниковъ моихъ Шведовъ и Датчанъ, я готовъ ихъ принять, но нужно ихъ самихъ атаковать и тамъ гдѣ ударъ имъ можетъ быть чувствительнѣе и гдѣ меньше ожидаютъ. Отъ насъ ходу до Индіи отъ Оренбурга мѣсяца три, да отъ васъ туда мѣсяцъ, и того четыре. Поручаю всю сію экспедицію вамъ и войску вашему Василій Петровичь. Соберитесь вы съ онымъ и выступите въ походъ къ Оренбургу, откуда любою изъ трехъ дорогъ или всѣми пойдете съ артиллеріею прямо черезъ Бухарію и Хиву на рѣку Индусъ и на заведенія Англійскія на ней лежащія. Войска того края, ихъ таковаго же рода какъ и ваше, такъ имѣя артиллерію вы имѣете полный авантажъ. При-

готовьте все къ походу. Пошлите своихъ лазутчиковъ приготовить или осмотрѣть дороги, все богатство Индіи будетъ намъ наградою за сію экспедицію. Собернте войско къ заднимъ станицамъ и тогда увѣдомивъ меня, ожидайте повелѣнія идти къ Оренбургу, куда пришедъ, опять ожидайте другаго идти далѣе. Таковое предпріятіе увѣнчаетъ васъ всѣхъ словою, заслужитъ по мѣрѣ заслугъ мое особенное благоволеніе, пріобрѣтетъ богатства и торговлю и поразить непріятеля въ его сердце. Здѣсь прилагаю карты сколько у меня ихъ есть. Богъ васъ благословитъ.

Есмь вашъ благосклонный

Павелъ I.

НВ. Карты мои идутъ только до Хивы и до Амурской рѣки, а далѣе ваше уже дѣло достать свѣденія до заведеній Англійскихъ и до народовъ Индейскихъ имъ подвластныхъ.

II.

С. Петербургъ, 12 Января 12, 1801 году.

Индія, куда вы назначаетесь управляется однимъ главнымъ владѣльцемъ и многими малыми. Англичане имѣютъ у нихъ свои заведенія торговыя, пріобрѣтенныя или деньгами или

оружіемъ, то и цѣль все сіе раззорить, а угнетенныхъ владѣльцевъ освободить и землю привесть Россіи въ туже зависимость въ какой они у Англичанъ и торгъ обратить къ намъ. Сіе вамъ исполненіе поручая, пребываю вамъ благосклонный.

Павелъ.

III.

С. Петербургъ, Января 13, 1801 года.

Василій Петровичь,

Посылаю вамъ подробную и новую карту всей Индіи. Помните, что вамъ дѣло до Англичанъ только, а миръ со всѣми тѣми, кто не будетъ имъ помагать, и такъ проходя, ихъ увѣряйте о дружбѣ Россіи и идите отъ Инда на Гангесъ и тамъ на Англичанъ. Мимоходомъ утвердите Бухарію, чтобъ Китайцамъ не досталось. Въ Хивѣ высвободите столько то тысячь нашихъ плѣнныхъ подданныхъ. Естьли бы нужна была пѣхота, то пришлю въ слѣдъ за вами, а не инако прислать будетъ можно.

Но лучше кабы вы то одни собою сдѣлали.

Вашъ благосклонный

Павелъ.

IV.

Не собственноручное.

Господинъ генаралъ отъ кавалеріи Орловъ I на донесеніе ваше отъ 25 Января не имѣю вамъ ничего инаго сказать какъ апробую вами представленное.

Пребываю вамъ благосклоннымъ
Павелъ.

Собственноручная приписка.

Возьмите сколько можно. О пѣхотѣ же будучи вашего мнѣнія лучше не брать.

Въ михайловскомъ замкѣ.
Февраля 21, 1801 года.

V.

михайловскій замокъ
Февраля 7, 1801 года.

При семъ посылаю вамъ маршрутъ какой могъ для васъ достать, онъ дополнитъ вамъ карту и объяснитъ. Экспедиція весьма нужна и чѣмъ скорѣе тѣмъ вѣрнѣе и лучше.

Вашъ благосклонный
Павелъ.

Симъ маршрутомъ я вамъ вовсе рукъ не связываю однакоже.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПРИКАЗОВЪ ПО АРМІИ

ОТДАННЫХЪ ИМПЕРАТОРОМЪ ПАВЛОМЪ I.

СО ДНЯ ВСТУПЛЕНІЯ ЕГО НА ПРЕСТОЛЪ ДО 1 ЯНВАРЯ 1801 ГОДА.

(Составлено Современникомъ).

Правленіе императора Павла I, какъ грозный метеоръ, явилося на горизонтѣ Россіи; дѣйствія его были тѣмъ поразительнѣе, что оно слѣдовало за вѣкомъ Екатерины II, исполненнымъ кротости и благоразумія. Россія начинала уже вкушать плоды узаконеній изданныхъ сею государынею, упрочивалося просвѣщеніе, насажденное Петромъ Великимъ; постоянныя правила ея, отъ которыхъ она рѣдко устранялася, поселили повсемѣстную тишину и спокойствіе; — какъ вдругъ при преемникѣ ея владычество законовъ начало уступать мѣсто своеволію, изчезло уваженіе къ долговременной службѣ, порождающее соревнованіе; несоразмѣрныя наказанія за легкіе проступки дѣйствовали вопреки дворянской грамотѣ; люди безъ заслугъ, безъ способностей возводимы были на первыя степени почестей, и безпрестанно выходили новыя постановленія одни другимъ противорѣчившія.

Но ни въ одной отрасли государственнаго управленія перемѣны не были столь внезапны, часты и ощутительны, какъ по военной части, находившейся подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ самаго императора, и которая посему можетъ послужить лучшимъ мѣриломъ для изображенія духа его царствованія.

Хотя государь намѣренъ былъ только дать другой видъ и образованію ея, и искоренить нѣкоторыя вкравшіяся въ оное злоупотребленія; но мѣры къ сему были приняты столь крутыя, что составъ арміи въ 4 года совсѣмъ перемѣнился. Почти всѣ заслуженные генералы, большею частію, покрытые славою, были поруганы и устранены, и мѣста ихъ заняли люди ничтожные, изъ коихъ почти ни одинъ не слыхалъ непріятельскихъ выстрѣловъ.

Чтобы изобразить духъ его правленія, я составилъ выписки изъ приказовъ отданныхъ по арміи со дня вступленія на престолъ императора до 31 Декабря 1800 года.

Я выбралъ изъ нихъ тѣ, которые носятъ на себѣ отпечатокъ странности. Въ нихъ заключается лучшая характеристика сего времени, а по сему я счелъ излишнимъ присовокуплять къ нимъ пространныя замѣчанія. Руководствуясь

безпристрастіемъ, я не упустилъ изъ виду чертъ, служащихъ къ чести государя. Я помѣстилъ также приказы, которые по какой либо причинѣ показалися мнѣ любопытны и слѣдовали хронологическому порядку, къ которымъ приказы отдаваемы были.

1796 годъ

7 Ноября:

Камеръ пажъ *Нелидовъ* производится въ маіоры.

9 Ноября:

Въ подполковники.

1798 годъ.

1 Января:

Въ полковники.

21 Января:

Въ генералъ-адъютанты.

3 мая:

Въ тайные совѣтники.

Таковое скорое производство въ годъ и шесть недѣль изъ пажей въ генералы нарушало всѣ принятыя до того правила въ повышеніи чиновъ, оно было обидно старымъ служивымъ и пагубно для службы.

17 Ноября:

Нѣсколько гвардіи унтеръ-офицеровъ, за нераденіе и хожденіе во фракѣ разжаловываются въ солдаты безъ выслуги.

Несоразмѣрное наказаніе за шалости молодыхъ людей, едва оставившихъ родительскій домъ. Онаго даже и тѣмъ извинить нельзя, что гвардейскіе унтеръ-офицеры были при императрицѣ Екатеринѣ отмѣнно избалованы и что государь по возшествіи на престолъ намѣревался вѣроятно строгимъ примѣромъ поселить въ нихъ настоящій духъ порядка.

1 Декабря:

Генералъ *Вязмитиновъ* назначается военнымъ губернаторомъ въ Каменецъ-Подольскъ.

3 Декабря:

Въ Кіевъ.

13 Декабря:

Его же орпедѣлили комендантомъ въ С. Петербургъ.

Столь поспѣшное перемѣщеніе съ одного мѣста на другое показываетъ какъ императоръ или не дорожилъ званіемъ военнаго губернатора, въ каковомъ случаѣ надлежало ихъ уничтожить, что впослѣдствіе преемникомъ его не сдѣлано, или же оно показываетъ съ другой стороны сколь намѣренія его были неосновательны и непостоянны.

15 Декабря:

Учреждается во Дворцѣ тактическій классъ для штабъ и оберъ-офицеровъ; за онымъ надзи-

ралъ генералъ-маіоръ Аракчеевъ, а уроки преподавалъ полковникъ *Канабихъ.*

Въ семъ тактическомъ классѣ, собиравшемся въ такъ называемой бѣлой залѣ Зимнято Дворца, объясняли новый воинскій уставъ.

Императоръ ежедневно посѣщалъ оный и вызывалъ учащихся предлагать ему самому вопросы въ такихъ случаяхъ, когда слушателямъ казалось что либо не ясно; онъ любилъ, чтобы кромѣ офицеровъ приходили въ сей классъ и генералы.

Фельдмаршалъ князь Репнинъ въ угодность его рѣдко пропускалъ сіи засѣданія.

Смѣшно было видѣть полководцевъ Екатерины получавшихъ уроки въ военномъ дѣлѣ отъ гатчинскихъ офицеровъ не бывшихъ на войнѣ. Канабиху, учителю сего класса, черезъ годъ послѣ того; именно въ приказѣ 2 Февраля 1798 года, отказано отъ команды за безпорядки, а Аракчеевъ никогда не былъ военнымъ человѣкомъ.

Сверхъ того нововведенный уставъ былъ наполненъ тысячами мелочныхъ подробностей, отъ которыхъ пострадало множество заслуженныхъ генераловъ, ибо ихъ выключали изъ службы, или дѣлали имъ выговоры въ приказахъ "за незнаніе службы" то есть, за незнаніе уставовъ сего устава, что мы вскорѣ увидимъ.

1797 годъ.

1 Января:

Его императорское величество желаетъ на сей новый годъ всему войску всякаго благополучія.

Странность!

12 Января:

Спросить штабсъ-ротмистра Шувалова желаетъ ли онъ служить, ибо е. и. величество можетъ обойтись и безъ него.

Съ 15 Января по 6 Февраля, т. е. въ теченіи трехъ недѣль, какъ ниже сего значится въ четырехъ различныхъ приказахъ сдѣлана непріятность безсмертному Суворову, а наконецъ, пятымъ онъ исключенъ изъ службы.

Какое уваженіе могли требовать прочіе военные, когда съ покорителемъ Измаила и Праги поступили такимъ образомъ?

15 Января:

Выговоръ Суворову за самовольный отпускъ полковника Батурина.

25 Января:

Ему же выговоръ за присылку офицера курьеромъ безъ всякаго дѣла.

27 Января:

Суворову быть безъ команды и прибыть въ С. Петербургъ.

30 Января:

Находившихся при Суворовѣ адъютантовъ: *Тишенкова* и *Мандрину* взять прочь.

1 Февраля:

Маіоръ Лисаневичъ выключается изъ службы за *ретираду*.

Трудно понять, что это значитъ, ибо тогда Россія не вела войны ни съ одною державою.

4 Февраля:

Лисаневича принять въ службу.

5 Февраля:

Выключаются изъ службы: 5 генераловъ, 13 бригадировъ, 29 полковниковъ, 20 подполковниковъ, и 5 Маіоровъ. Не сказано за что.

26 Февраля:

Генералъ-лейтенант *форъ деръ Паленъ*, за почести и встрѣчи дѣлаемыя *К. Зубову* при проѣздѣ его черезъ Ригу, исключенъ изъ службы.

1 Марта:

Исключены изъ службы Гр. Маіоры: Ермоловъ, Багговутъ, Дохторовъ, Коновницынъ, Ламбертъ, Сакенъ, Тормасовъ, Бенигсенъ и другіе, за незнаніе службы. Всѣ тѣ, которые въ 1812 году увѣковѣчили себя громкими дѣлами своими!

9 Сентября:

Уволены въ одинъ день: 3 полныхъ генераловъ, 3 генералъ-лейтенантовъ, 9 генералъ-

маіоровъ, 68 оберъ-офицеровъ гвардейскихъ полковъ, 90 унтеръ-офицеровъ, и одного преображенскаго полка 120 человѣкъ! не сказано за что.

1799 годъ.

3 Февраля:

Выговоръ Кутузову и фельдмаршалу графу Салтыкову, за незнаніе службы.

1800 годъ.

8 Февраля:

Умершему генералу Врангелю въ примѣръ другимъ строжайшій выговоръ.

10 Сентября:

Мичманъ *Фейшъ*, просящійся въ отпускъ въ Англію, отставленъ отъ службы.

26 Декабря:

Полковникъ *Тинковъ* выключается изъ службы вслѣдствіе рапорта его о неотысканіи имъ гарнизоннаго баталліона, коего онъ былъ назначенъ командиромъ.

26 Ноября:

Фельдмаршалъ кн. Репнинъ уволенъ отъ службы, не сказано за что.

14 Декабря:

Графъ Ферзенъ уволенъ отъ службы, за незнаніе службы.

1799 годъ.

15 Февраля:

Штабъ-ротмистръ *Бороздинъ*, сажается въ крѣ-

пость, на хлѣбъ и воду, на 6 недѣль, за хвастовство, что онъ будетъ флигель-адъютантомъ.

24 Апрѣля:

Его И. В. въ благодарность подвиговъ князя Суворова, повелѣваетъ гвардіи и всѣмъ войскамъ отдавать всѣ почести подобно особѣ царской.

25 Апрѣля:

Больной поклонникъ Чоглоковъ исключается изъ списковъ какъ умершій.

27 Сентября:

Выключаются изъ службы всѣ въ плѣнъ взятые и раненые.

Ужасный примѣръ!

2 Мая:

Штабъ-капитанъ Кирпичниковъ разжалобается въ солдаты съ прогнаніемъ сквозь строй черезъ 100 человѣкъ.

Строже сего приказа не было ни одного въ царствованіе Павла. Сіе обстоятельство имѣло вліяніе на то событіе, которое прекратило его правленіе.

СМЕРТЬ ПАВЛА I.

Императоръ Павелъ I взошелъ на престолъ 6 Ноября 1799 г. Онъ былъ въ чрезвычайномъ раздраженіи противъ матери своей Екатерины II. Преданіе говоритъ, что причиною сей ненависти были фавориты Екатерины. Орловы покушались на жизнь его; Потемкинъ обращался съ нимъ съ чрезвычайнымъ презрѣніемъ и заносчивостью какъ и со всѣмъ міромъ; по его высокомѣрному характеру, Зубовъ также не умѣлъ оказать ему достаточнаго вниманія какъ наслѣднику престола. Мнѣ кажется, что коренною причиною этой ненависти было внушеніе, дѣланное Павлу при его воспитаніи. Ему натолковали съ дѣтскихъ еще лѣтъ, что Екатерина похитила престолъ, ему принадлежащій, что онъ долженъ былъ царствовать, а она повиноваться, а самолюбіе подсказывало ему, что онъ бы царствовалъ и распоряжался умнѣе ея. Самолюбіе всегда обманываетъ людей;

но едва ли когда нибудь оно обманывало сильнѣе чѣмъ въ этомъ случаѣ. Послѣ такого критическаго и опаснаго переворота, которымъ Екатерина взошла на престолъ, слѣдовало-бы взять гораздо осторожнѣйшую систему въ воспитаніи наслѣдника, т. е. слѣдовало бы воспитать его такимъ кроткимъ и покорнымъ, какимъ воспитала Екатерина внука своего Александра. Но она, кажется, не смѣла смѣнить находившихся при немъ графа Никиту Ивановича Панина и не имѣла кѣмъ замѣнить его.

Такія стѣснительныя въ этомъ отношеніи обстоятельства Екатерины проистекали изъ тото, что она взошла на престолъ Россійскій насильственнымъ образомъ. Странно какъ это удалось. Два гвардейскіе офицера, братья Орловы, едва ли въ капитанскихъ чинахъ, имѣя сообщниками нѣсколькихъ своихъ товарищей, безъ всякаго соучастія вельможъ, генераловъ, сената, синода и прочихъ коллегій, императрицу, гонимую мужемъ своимъ, приводятъ на удачу къ начальнику одного гвардейскаго полка, по темной надеждѣ на его къ ней расположеніе, собираютъ три полка гвардіи, убѣждаютъ присягнуть ей, низвергаютъ и задушаютъ царствующаго императора, и такимъ образомъ въ двое сутокъ дѣ-

лаютъ совершенный въ правленіи переворотъ, которому безусловно покорилось все обширнѣйшее въ мірѣ государство безъ малѣйшаго кровопролитія; нѣтъ ни одной жертвы, кромѣ самого вѣнценосца. Единственный тогда въ Россіи фельдмаршалъ, даровитый и прославленный своими подвигами Минихъ, — Минихъ, который уже разъ самъ перемѣнилъ правительство съ одною ротою своего полка, покушается защищать императора, но тщетно. Усилія добродѣтельнаго фельдмаршала ничтожны противъ заговора двухъ развратныхъ, буйныхъ молодыхъ офицеровъ! Боже мой какое непостижимое происшествіе! Какая тайна какія обстоятельства, какія отношенія, какіе поступки были причиною такого необычайнаго успѣха? Но тогда менѣе этому удивлялись, потому что привыкли къ переворотамъ. Петръ III взойдя на престолъ съ самыми добродѣтельными побужденіями на пользу своихъ подданныхъ, слишкомъ былъ лѣнивъ и слабъ характеромъ, чтобы крѣпко держать бразды правленіи. Онъ только наслаждался сладостями стола и незаконной любовью къ Елисаветѣ Воронцовой, которая послѣ была за Полянскимъ. Петръ, въ жертву ей, хотѣлъ принести законную, геніальную и образованную супругу. Екатеринѣ оставались только

два пути: или вѣчное заключеніе, или престолъ. Она избрала послѣдній. Петръ, сдѣлавъ себѣ врага опаснѣйшаго изъ своей супруги, противупоставилъ себѣ и націю, а особенно войско, безтолковымъ, мелочнымъ и обиднымъ для всѣхъ поклоненіемъ всему Прусскому. Уваженіе, питаемое имъ къ Фридриху II, дѣлаетъ честь его сердцу. Этотъ геній-герой и благодѣтель своего рода достоинъ былъ обожанія; но наружные признаки благоговѣнія должны быть такъ умно расчитаны, чтобы не оскорбляли никого, а наипаче тѣхъ людей, на которыхъ мы возлагаемъ свою защиту и съ которыми хотимъ пріобрѣсти себѣ славу. Вотъ ближайшія причины, доставившія быстрый успѣхъ Екатеринѣ. Но кромѣ того существовала, хотя и отдаленная, но столько же важная.

Петръ I, по ненависти къ сыну своему Алексѣю, котораго онъ измучилъ пытками и умертвилъ, разрушилъ порядокъ наслѣдства по первородству, утвержденный вѣками и предоставилъ царствующему государю назначать по себѣ наслѣдникомъ кого ему вздумается, безъ всякого ограниченія. Не прошло полусутокъ послѣ его кончины, какъ изъ этого указа уже сдѣлано злоупотребленіе. Исвѣстно, что Менщиковъ съ

нѣсколькими гренадерами выломалъ дверь той залы, въ которой главные государственные чиновники совѣщались объ избраніи наслѣдника, и съ обнаженною шпагою провозгласилъ императрицею Елатерину I, возникшую изъ черни и преданную ему совершенно, съ тѣхъ еще поръ, когда она была въ домѣ его служанкою. Съ легкой руки Менщикова, 75 лѣтъ продолжались перевороты, изъ которыхъ составилась пословица: кто раньше всталъ, да палку взялъ, тотъ и капралъ. Едва умеръ Петръ II, какъ Иванъ Долгорукій также съ обнаженною шпагою, взошелъ въ залу собранія и провозгласилъ сестру свою императрицею. Ему бы и удалось, если бы хотя за сутки до кончины императора она была обвѣнчана съ нимъ. Нѣсколько чиновниковъ избираютъ императрицею Анну, обходя семейство Петра I и предписываютъ ей условія. Анна Іоановна, при собраніи своего двора, не прося согласія ни сената ни народа, раздираетъ эти условія, объявляетъ себя самодержавною и предаетъ Россію на волю бывшаго своего конюха Бирона. Елисаветѣ стоило только войти во дворецъ, взявъ изъ колыбели императора Іоанна, отдать его въ руки гренадеръ, чтобъ объявить себя царствующею. Перемѣнить царствующую особу было также легко,

какъ перемѣнить министра, но перемѣнить министра было тогда труднѣе чѣмъ теперь. Надобно было внезапно и вооруженною силою захватить Менщикова и Бирона, чтобъ отнять у нихъ власть. Отъ Петра до Екатерины II въ продолженіи 39 лѣтъ, было семь переворотовъ: 1) насильственное провозглашеніе Екатерины I, 2) низверженіе Менщикова, 3) избраніе Анны партіею, самовольно составившеюся, 4) уничтоженіе принятыхъ ею условій, 5) арестъ и ссылка Бирона, 6) воцареніе Елисаветы и 7) восшествіе на престолъ Екатерины II. Вотъ еще — какъ скончался Павелъ I. Все это суть слѣдствія Петрова постановленія о наслѣдствѣ. Этотъ безумно-деспотическій законъ отдалъ Россію на произволъ интригъ и заговоровъ. Онъ, такъ сказать, кинулъ ее на драку честолюбцамъ, подобно тому какъ Римская имперія безпрестанно переходила изъ рукъ въ руки съ насильственною смертію царствующихъ, по произволу преторіанскихъ солдатъ. Въ Римѣ избрать императора, значило почти тоже самое, что осудить на смерть, а пожаловать въ префекты преторіи почти тоже, что открыть путь къ престолу. Послѣ такого рода примѣровъ, Екатерина конечно могла надѣяться, что сынъ ея не долженъ питать къ ней ожесточенной ненависти за ея

похищеніе, но все-таки слѣдовало ему внушить, что ежели бы мать его заключена была въ монастырь и потомъ, вѣроятно, лишена жизни, то императоръ Петръ III, женясь на Воронцовой, едва ли бы сдѣлалъ его наслѣдникомъ и едва ли бы призналъ его сыномъ своимъ, и что безъ сомнѣнія онъ сдѣлался бы вскорѣ жертвою своей мачихи, которая не преминула бы имѣть дѣтей, а можетъ быть, также смѣнена бы была другою. Страсти сильнѣе дѣйствуютъ на престолѣ и не въ такомъ слабомъ государѣ какъ Петръ III. Напротивъ, Павелъ былъ направленъ совсѣмъ къ противуположному. Правда, что графъ Панинъ доставилъ ему хорошее умственное образованіе, но характеръ его былъ совершенно испорченъ. Заносчивость и необузданность страстей, щедрость и мстительность въ высочайшей степени, подозрительность на каждомъ шагу и трусость при видѣ опасности, нетерпѣливость въ волѣ, словомъ сказать ожесточенные и самые неумѣренные порывы составляли весь характеръ Павла. Глубокая, закоренѣвшая ненависть ко всему тому, что учреждено Екатериною, дѣлало порывы его еще вреднѣе и опаснѣе. Взойдя на престолъ, котораго ожиданіемъ онъ истомился, съ такою раздраженною злобою онъ сталъ коверкать все, и

гражданскую и военную часть, и внѣшнія отношенія государства, а паче всего страсть къ экзерциціямъ и запальчивая взыскательность за малѣйшія ошибки во фрунтѣ, возстановили противъ него войско и все дворянство. Нѣмцы, вышедшіе изъ камеръ-лакеевъ и ремесленниковъ, и самые мелкопомѣстные дворяне, едва знавшіе грамотѣ, выслужившіеся черезъ педантскую Гатчинскую службу, стали угнетать и презирать дворянство избалованное Екатериною. Оно раздражилось, писало пасквили и карикатуры, подкладывало самому императору насмѣшливыя и ругательныя письма. Онъ въ ярости требовалъ немедленнаго отыскаиія виновныхъ; полиція, чтобы удовлетворить его изступленному нетерпѣнію, хватала по малѣйшему подозрѣнію часто невинныхъ, такъ что наконецъ вошло уже въ систему схватывать кого ни попало, лишь бы скорѣе кто зазѣвался и не снялъ шляпы, кто не успѣлъ выйти изъ экипажа, кто переѣхалъ дорогу императору, всѣхъ брали въ полицію: лошадей подъ артилерію, людей наказывали палками. Господа трепетали, въ домахъ; всѣ приходили въ волненіе, если кто нибудь изъ домашнихъ не скоро возвращался, тогда предполагали, что могутъ встрѣтить государя.

Павелъ чрезмѣренъ былъ во всемъ, и въ злобѣ и въ любви. Влюбясь къ фрейлину свою Нелидову и встрѣтя упорное сопротивленіе, онъ предлагалъ ей умертвить свою жену. Нелидова объявила о томъ Маріи Өедоровнѣ, которая до самой кончины своей сохранила къ Нелидовой самую нѣжную дружбу и бладодарность. Нелидова, для большей безопасности, отъ его преслѣдованій, поселилась въ Смольномъ монастырѣ. Однажды Павелъ, находясь тамъ съ фамиліею своею на дѣтскомъ балѣ, вдругъ изъ танцовальной залы пошелъ по корридорамъ монастыря. Экономъ этого заведенія, графъ Кутайсовъ и еще кто то третій послѣдовали за нимъ. Онъ скорыми шагами прошелъ въ комнаты Нелидовой, отдернулъ занавѣсь ея кровати и съ восторгомъ восклицая: "это храмъ добродѣтели, это храмъ непорочности, это единственная божественная женщина, она божество въ образѣ человѣческомъ" — сталъ на колѣни, нѣсколько разъ поцѣловалъ постель и потомъ отправился назадъ. Нелидова все это время находилась въ танцовальной залѣ при императрицѣ. Мнѣ сказывалъ это одинъ изъ трехъ очевидцевъ. Всѣмъ извѣстно какъ страстно обожалъ Павелъ Анну Петровну Лопухииу, впослѣдствіи княгиню Гагарину. Гренадерскія шапки, знамена, флаги

кораблей и самые корабли украшены были именемъ *благодати*, потому что Анна по гречески значитъ благодать. Сколько было жертвъ его ревности и сколько милостей къ ея родству.

Павелъ ежедневно выходилъ на свои вахтпарады и друвія экзерциціи и очень часто былъ ими недоволенъ, такъ что по нѣскольку офицеровъ вдругъ были тяжело штрафованы. Ихъ тутъ же хватали изъ фронта, сажали въ кибитки и отвозили въ Сибирь, въ дальніе гарнизоны, въ крѣпости, или разжаловали въ солдаты. Сихъ послѣднихъ тутъ же передъ фронтомъ передѣвали въ солдатскіе мундиры, срывая съ нихъ офицерскіе признаки и разрывая платье. Императоръ иногда самъ наносилъ имъ по нѣскольку ударовъ палкою. Будучи недоволенъ успѣхомъ въ этихъ любимыхъ своихъ экзерциціяхъ, въ которыхъ онъ все переиначилъ и требовалъ съ нетерпѣливостью быстроты и точности, къ чему, правду сказать, и трудно довести было неповоротливую Екатериненскую гвардію, императоръ вообразилъ, что недовольно для того учить солдатъ и офицеровъ и учредилъ во дворцѣ тактическій классъ, гдѣ какому-то школьнику изъ фехтовальныхъ учителей приказалъ читать лекціи для всѣхъ старыхъ и заслуженныхъ генераловъ.

Самъ Суворовъ принужденъ былъ слушать эти уроки. Это не столько раздражало Суворова, который отшучивался очень остро, сколько всю націю. Она гордилась своими побѣдами при Екатеринѣ и геніемъ своихъ генераловъ, а наипаче Суворова. Нація негодовала на эти педантства, а императоръ сдѣлался смѣшнымъ. Все это и могло бы кончиться насмѣшками, еслибы не было ссылокъ, заточеній въ крѣпости и казематы, наказаній кнутомъ, рванья ноздрей, отрѣзыванія языковъ и ушей и прочихъ немаловажныхъ истязаній. Въ извиненіе этого говорятъ, что самаго Павла раздражали необыкновеннымъ образомъ. Но кто подавалъ къ тому поводъ? И какъ можно унять цѣлую націю, которая видитъ себя управляемою съ жестокосердіемъ, педантствомъ и безразсудствомъ. Возстановляяпротивъ себя дворянство и войска, Павелъ находился еще въ заблужденіи будто привязываетъ къ себѣ чернь тѣмъ, что онъ далъ свободу расколамъ и запретилъ помѣщичьихъ крестьянъ держать на барщинѣ болѣе трехъ дней въ недѣлю. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ раздавалъ свободныхъ крестьянъ въ крѣпостное владѣніе своимъ приверженцамъ и Гатчинскимъ выслуживцамъ, и при случавшихся отъ того возмущеніяхъ повелѣвалъ не рѣдко на-

казывать кнутомъ. И такъ, изъ всѣхъ сословій развѣ только одно духовенство, не имѣло противу него негодованія. Такимъ образомъ стонала Россія болѣе четырехъ лѣтъ. Всѣ ежеминутно были въ трепетѣ и въ волненіи; но при всемъ томъ никто и не поминалъ о возмущеніи. Въ такомъ обширномъ и малонаселенномъ государствѣ какъ Россія, возстаніе въ провинціяхъ невозможно, а въ столицахъ все было разсѣяно и раздѣлено. Екатериненскіе вельможи, были разосланы по деревнямъ, государственныя мѣста были заняты людьми самыми ничтожными и необразованными, и Россія терпѣла бы еще долгое время это ужасное ярмо, не смѣя и желать прекращенія онаго, если бы императоръ былъ благоразумнѣе или хотя осторожнѣе во внѣшнихъ сношеніяхъ съ другими державами. Онъ поссорился съ многими и хотѣлъ 5 или 6 государствамъ вдругъ объявить войну, а паче всѣхъ онъ раздражилъ Англію до такой степени, что она-то ему и нанесла ударъ смерти. Посломъ этой державы при дворѣ Петербургскомъ былъ г. Ватвортъ. Не знаю изъ Англіи ли ему сообщена мысль объ убійствѣ императора Павла, или она родилась въ Петербургскомъ ему пріязненномъ обществѣ и подкрѣплена изъ Лондона многими денежными пособіями по

его сообщенію, но знаю что первый заговоръ о томъ сдѣланъ между нимъ и Ольгою Александровной Жеребцовой, сестрою Зубовыхъ, съ которой онъ итѣлъ любовную связь. Она рѣшилась, посовѣтовавшись объ этомъ съ графомъ Никитою Петровичемъ Панинымъ, который жилъ тогда удаленный въ деревню. Весьма любопытно знать кто такой этотъ Панинъ? Никита Ивановичъ Панинъ, воспитатель Павла, не имѣлъ дѣтей, почему для совмѣстнаго ученія съ своимъ царскимъ воспитанникомъ, взялъ роднаго своего племянника Никиту, сына извѣстнаго генерала Петра Иван. Панина.

Екатерина до излишества ласкала обоихъ этихъ братьевъ Паниныхъ, а они гордо вели себя противъ нея. Не удивительно: она частію имъ обязана была престоломъ и жизнію. Никита Петровичъ, возрастая вмѣстѣ съ Павломъ и часто отнимая у него игрушки, думалъ продолжить ту же короткость и сахранить ту же силу во всемъ противъ царствующаго императора. Павелъ былъ очень великодушенъ, открытъ и благороденъ; онъ помнилъ прежнія связи, желалъ имѣть друзей и хотѣлъ любить правду, но не умѣлъ выдердерживать этой роли. Должно признаться, она чрезвычайно трудна. Почти всегда, подъ видомъ

правды говорятъ царямъ рѣзкую ложь, потому что она какимъ нибудь косвеннымъ образомъ выгодна тому кто ее сказалъ. Павелъ товарища дѣтства своего сдѣлалъ вице-канцлеромъ и обращался съ нимъ по прежнему. Но какъ Павелъ былъ раздражителенъ, а графъ Панинъ неотмѣненъ и самонадѣянъ, то между ними выходили вспышки. Однажды императоръ, раздраженный чѣмъ-то, бѣжалъ отъ него скорыми шагами вдоль всего дворца въ эрмитажъ. Панинъ шелъ за нимъ. Кажется лучше было бы оставить раздраженнаго царя нѣсколько успокоиться. Остановясь противъ Генриха IV, императоръ воскликнулъ: "Вотъ счастливый государь! онъ имѣлъ друга въ такомъ великомъ министрѣ каковъ Сюлли, а у меня его нѣтъ." Графъ Панинъ въ эту почтенную минуту не оставилъ въ покоѣ государя. Онъ, стоя въ отдаленіи, отвѣчалъ: "Будь ты Генрихомъ, будутъ и Сюлли!" Не знаю за это ли, или за другую какую нибудь настойчивость и дерзость Павелъ сослалъ своего канцлера въ деревню. Эта-то ссылка была причиною такого ужаснаго озлобленія Панина противъ своего государя, что когда Ватвортъ и Жеребцова задумали отъискать цареубійцъ, то обратились къ нему первому за совѣтомъ. Съ этимъ

посланіемъ отправленъ былъ отъ нихъ къ Панину г. Рибасъ, извѣстный хитрецъ, бродяга и факторъ италіянскій, котораго происхожденіе есть слѣдующее.

Императрица Елисавета Петровна имѣла незаконнную дочь, которую не знаю почему, называла княжною Таракановою. Эта несчастная дѣвушка съ посредственнымъ состояніемъ, даннымъ ей отъ матери, поселилась въ Италіи. Когда Екатерина такъ незаконно взошла на престолъ, то разумѣется были люди противъ нея вопіющіе. Эти неудовольствія достигли слуха Таракановой и она имѣла безразсудство иногда высказывать, что скорѣе бы ей принадлежалъ престолъ Россійскій, чѣмъ принцессѣ Ангальт-Цербской. По отдаленности мѣста, по недостатку дарованій и по бѣдности средствъ этой княжны Таракановой, кажется не стоило бы труда обращать на нее вниманіе. Однако же обратили. Екатерина поручила брату фаворита своего Алексѣю Орлову, котораго богатырская рука удавила императора Петра III въ Ропшѣ въ 1762 г., похитить изъ Италіи эту бѣдную княжну, когда онъ возвращался побѣдителемъ съ Чесменскаго боя. Алексѣй Орловъ нашелъ себѣ въ Италіи фактора, который на подобіе польскихъ жидовъ,

сводничаетъ дѣвокъ, шпіонитъ, а иногда, когда уменъ, употребляется и на государственныя тайныя дѣла и пронырства. Этотъ-то факторъ былъ Рибасъ. Онъ вмѣстѣ съ Орловымъ заманили княжну Тараканову на корабль и изнасильничали ее, привезли въ Петербургъ и заключили въ казаматъ Петропавловской крѣпости, гдѣ она въ наводненіе 1777 г. утонула.

Рибасъ имѣлъ необыкновенныя способности и пронырства, почему былъ рекомендованъ императрицѣ, которая поручила ему воспитаніе гр. Бобринскаго сына своего. Онъ впослѣдствіи женился на Бецкой, былъ полнымъ адмираломъ, нажилъ большее состояніе, но не пересталъ факторить. Говорятъ, что Рибасъ привезъ отъ Панина планъ заговора, по которому и дѣйствовали, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ предположеніяхъ.

Вѣроятно этотъ планъ состоялъ въ указаніи лицъ, на которыхъ можно было положиться. И вотъ приступили къ дѣлу.

Нужно было вызвать ко двору Зубовыхъ; обратились къ Кутайсову, первому фавориту и прислужнику императора, возникшему изъ камердинеровъ. Простыя убѣжденія были не сильны; надобно было какъ говорится, задѣть заживое. Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ напи-

салъ письмо къ Кутайсову, которымъ просилъ руки его дочери. Сестра его дала почувствовать, что тогда только бракъ можетъ состояться, когда князь будетъ вызванъ въ Петербургъ и получитъ назначеніе, приличное своему чину, равномѣрно и братья его Николай и Валеріанъ. Обуяла радость графа Кутайсова. Онъ никакъ не воображалъ, что государственные люди готовы на всѣ преступленія. Ему титла, богатства, чины, ордена и почести достались за хорошое чищенье сапоговъ и стоили только мелкихъ, почти невинныхъ хитростей противъ царя, а кто долго тащился по этому скользкому пути, тотъ знаетъ, что эти награды часто стоятъ и чести, и совѣсти, и самаго спасенія души. Онъ никакъ не умѣлъ догадаться, что это игра на жизнь и на смерть и что это письмо поставлено "va banque."

Павелъ былъ въ такомъ предубѣжденіи и негодованіи противъ Зубовыхъ, что не легко было исходатайствовать ихъ возвращеніе. Сказываютъ, будто бы Кутайсовъ признался императору въ своемъ малодушномъ желаніи сродниться съ такою знатною фамиліею и показалъ ему письмо кн. Зубова. Какъ бы то ни было, только Зубовы возвращены. Платонъ и Валеріанъ были назначены шефами кадетскихъ корпусовъ, а Ни-

колай оберъ-шталмейстеромъ. Павелъ ласкаво и съ открытою душою встрѣтилъ ихъ въ дворцѣ и сказалъ: "Платонъ Александровичъ, забудемъ прошедшее!" Послѣ такого пріема, не понимаю чего хотѣли эти люди. Неужели они рисковали собою изъ искренняго состраданія къ бѣдамъ отечества? Не вѣрю такой добродѣтели въ душахъ придворныхъ.

Надобно полагать, что Зубовы пріобрѣли нѣкоторое вліяніе на императора посредствомъ Кутайсова или посредствомъ своей притворной преданности. Стали обращать вниманіе государя на полицію, такъ чтобы онъ былъ недоволенъ ею, и потомъ присовѣтовали ему сдѣлать военнымъ губернаторомъ въ Петербургѣ графа фон-дер-Палена, находившагося тогда въ отставкѣ. Я самъ слышалъ изустно отъ графа Петра Алексѣевича, что когда былъ присланъ отъ Павла къ нему курьеръ съ приглашеніемъ вступить въ службу военнымъ-губернаторомъ Петербурга, то первое его движеніе было отказаться отъ этого; но вмѣстѣ съ тѣмъ, сказалъ онъ мнѣ, пріятели мои увѣдомляли меня, что это нужно, то я и рѣшился принять приглашеніе. Не знаю кто были эти пріятели, но полагаю, что выборъ этого лица былъ сдѣланъ по указанію Панина. Ф. д. Па-

ленъ, вступя въ должность военнаго-губернатора, дѣйствовалъ самымъ искуснѣйшимъ образомъ: онъ вооружилъ противъ царя и войско и жителей. Между тѣмъ у Зубовыхъ собирались маленькія вечеринки и они высматривали кого избрать въ свои товарищи для послѣдняго рукопашнаго дѣйствія. Къ сему нужны были военные и преимущественно начальники частей. Вѣроятно и женщины содѣйствовали этому дѣлу. Сюда привлечены были генералъ Бенигсенъ и Уваровъ, командиръ кавалергардскаго полка, который послѣ женатъ былъ на бойкой и разгульной вдовѣ Валеріана Зубова, начальникъ конно-гвардейской артиллеріи — полковникъ кн. Владнміръ Яшвель, артиллерійскій штаб-офицеръ — Татариновъ, и нѣкоторая молодежъ, какъ-то Николай Бибиковъ, Евсей Тордоновъ адъютантъ Уварова, Сергѣй Марипъ, Аргамаковъ. Два послѣдніе по вліянію начальника ихъ генерала Талызина. Обращая вниманіе на командующихъ полками гвардіи, заговорщики были довольно затруднены. Кологривовъ, начальникъ Лейбъ-гусарскаго и Милютовъ Измайловскаго полка были преданы императору, и имъ много облагодѣтельствованы; Леонтій Депрерадовичъ былъ человѣкъ сомнительный; однакоже и съ него взяли слово

къ согласію. Талызинъ, командиръ Преображенскаго полка былъ единственною надежною подпорою заговорщиковъ и вѣроятно былъ умышленно рекомендованъ императору на это мѣсто съ тою цѣлію и указанъ графомъ Панинымъ. Однажды поздно вечеромъ, Талызинъ, возвратясь домой, находитъ въ своемъ кабинетѣ на столѣ запечатанное письмо. Распечатываетъ, — оно отъ графа Панина, который проситъ его содѣйствовать ф. д. Палену въ заговорѣ противъ императора, говоря что онъ уже рекомендовалъ его какъ надежнаго и вѣрнаго человѣка военному Губернатору. Талызинъ истребилъ письмо и ждалъ послѣдствій. Ф. д. Паленъ, увидя его во дворцѣ, спрашивалъ при всѣхъ — получилъ ли онъ письмо отъ графа Панина, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, просилъ его къ себѣ въ 6 часовъ на совѣщаніе. Тутъ они познакомились и условились. Вотъ какъ дѣлаютъ опытные заговорщики. Въ такомъ положеніи заговоръ находился до конца 1800 года. Слухи о немъ проникали во всѣ кружки Петербургскаго общества. Число сообщниковъ умножилось, время текло, а заговорщики медлили. Чего еще поджидали — неизвѣстно. Вѣроятно опасность предпріятія поколебала ихъ души. Но между тѣмъ импера-

торъ самъ ускорялъ исполнепіе ихъ замысловъ: онъ день отъ дня становился запальчивѣе и безразсуднѣе въ своихъ взысканіяхъ, не примѣчая того, что его умышленно раздражаютъ, дабы произвести болѣе недовольныхъ. Наконецъ заговоръ сдѣлался до такой степени извѣстнымъ, что и самъ Павелъ узналъ объ немъ. Въ распаленіи гнѣва своего, надѣлавъ множество непріятностей на вахтпарадѣ, онъ призываетъ къ себѣ военнаго-губернатора ф. д. Палена и говоритъ: знаете ли вы сударь, что было въ 62 году?" — Знаю государь, отвѣчалъ Паленъ. — "А знаете ли что теперь дѣлается?" — Знаю. — "А что же вы сударь, ничего не предпринимаете по званію вашему военнаго-губернатора? и знаете ли кто противъ меня въ заговорѣ?" — Знаю ваше величество! вотъ списокъ заговорщиковъ и я самъ въ числѣ ихъ. — "Какъ сударь?" — Иначе какъ могъ бы я узнать ихъ всѣхъ и всѣ ихъ замыслы? Я умышленно вступилъ въ число заговорщнковъ, чтобы подробнѣе узнать всѣ ихъ намѣренія. — "Сей часъ, сударь, схватить ихъ всѣхъ, заковать въ цѣпи, посадить въ крѣпость, въ казаматы; разослать въ Сибирь, на каторгу, въ рудокопни!" — возопилъ императоръ, расхаживая скорыми шагами по комнатѣ. — Ваше

величество, возразилъ Паленъ. Извольте прочесть списокъ! тутъ ваша супруга, оба сына, обѣ невѣстки. Какъ можно ихъ взать безъ особеннаго повелѣнія вашего? Взять все семейство вашего величества подъ стражу и въ заключеніе, безъ явныхъ уликъ и доказательствъ, столь опасно и ненадежно, что можно взволновать всю Россію и не имѣть еще чрезъ то вѣрнаго средства спасти особу вашего величества. Я прошу васъ, государь, ввѣриться мнѣ, дать мнѣ своеручный указъ, по которому бы я могъ все то исполнять что вы приказываете, но исполнять тогда, когда на это будетъ удобное время, т. е., когда я уличу въ злоумышленіяхъ кого нибудь изъ фамиліи вашей, а остальныхъ заговорщиковъ тогда уже схвачу безъ затрудненія." Павелъ дался въ этотъ обманъ и написалъ указъ, повелѣвающій императрицу и обѣихъ вел. княгинь развести по монастырямъ, а наслѣдника престола и брата его Константина заключить въ крѣпость, а прочимъ же заговорщикамъ произвести жесточайшее наказаніе. Паленъ съ этимъ указомъ отправился къ наслѣднику, и съ помощію нѣкоторыхъ приближенныхъ къ нему лицъ исторгнулъ у него согласіе низвергнуть съ престола отца его.

Раздраженіе Павла возрастало каждый день

болѣе и болѣе. За два или за три дня до своей кончины, онъ многимъ державамъ велѣлъ объявить войну. Курьеры въ этотъ день были задержаны, и это еще болѣе ускорило его смерть и еще болѣе склонило наслѣдника на предложеніе заговорщиковъ. Однакоже онъ упорно настаивалъ, чтобы не лишать отца жизни. Хотя это ему обѣщали, но онъ долженъ былъ предвидѣть что дѣло было невозможно — лишить самодержавнаго государя престола, оставивъ ему жизнь.

Коль скоро Павелъ не умѣлъ обуздывать сердца своего до такой степени, что даже увлекался въ гнѣвѣ противъ равносильныхъ ему иностранныхъ державъ, то уже разумѣется, что противу подданныхъ своихъ негодованіе его доходило до величайшаго изступленія. Послѣ извѣстія о заговорѣ и послѣ того какъ онъ злобился и подозрительнымъ окомъ смотрѣлъ и на жену и на дѣтей своихъ, разумѣется что заговорщики не могли его оставить въ такомъ сомнительномъ и опасномъ для обѣихъ сторонъ положеніи. Надобно полагать, что выше приведенный его разговоръ съ гр. Паленымъ былъ не ранѣе какъ 10 или 11 Марта поутру, а вѣроятнѣе что 11. Въ этотъ день императоръ былъ очень гнѣвенъ на своемъ вахтпарадѣ или разводѣ,

однакоже не сдѣлалъ никого несчастнымъ. Вѣроятно уже страхъ удерживалъ его нѣсколько. Послѣ развода военный губернаторъ приказалъ всѣмъ офицерамъ гвардіи собраться въ его квартиру. Прямо изъ экзерциргауза офицеры отправились къ нему и ждали болѣе часа.

Ф. д. Паленъ все былъ во дворцѣ. Онъ, пройдя домой особымъ подъѣздомъ, немедленно вышелъ къ собравшимся, и съ мрачнымъ, разстроеннымъ лицемъ, довольно грознымъ голосомъ сказалъ имъ: "Господа! государь приказалъ объявить вамъ, что онъ службою вашею чрезвычайно недоволенъ, что онъ ежедневно и на каждомъ шагу примѣчаетъ ваше нерадѣніе, лѣность, невниманіе къ его приказаніямъ и вообще небреженіе въ исполненіи вашей должности, такъ что ежели онъ и впредь будетъ замѣчать то же, то онъ приказалъ вамъ сказать, что онъ разошлетъ васъ всѣхъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ и костей вашихъ не отыщутъ. Извольте ѣхать по домамъ и стараться вести себя лучше." Всѣ разъѣхались съ горестными лицами и съ уныніемъ въ сердцѣ. Всякій желалъ перемѣны. И вотъ что случилось того же дня въ Семеновскомъ полку: командиръ его генералъ-маіоръ Депрерадовичъ одному изъ баталліонныхъ адъютантовъ молодому

прапорщику лѣтъ 16 или 17 приказалъ явиться къ себѣ послѣ раздова. Тотъ отъ воен.-губернатора пріѣжаетъ къ нему. "У тебя есть карета?" спрашиваетъ начальникъ. — Есть, в. п-во. — " Гдѣ ты сегодня обѣдаешь?" — У тетки моей такой-то. — "Ты не отпустишь ли карету домой или куда въ другое мѣсто?" Нѣтъ в. п-во; а впрочемъ какъ прикажете. — "Нѣтъ этого не надобно, тѣмъ лучше. Пойди сей часъ къ казначею и принеси отъ него ящикъ съ патронами; онъ такой величины, что положится въ карету, подъ мѣсто сидѣнья. Возьми эти патроны и уложи ихъ осторожно, храни цѣлый день. Да смотри же, не отпускай карету никуда, а вечеромъ въ 9 часовъ пріѣзжай ко мнѣ въ той же каретѣ и съ патронами." — Молодой человѣкъ отвѣчалъ — "Слушаю-съ" — и самъ стоялъ какъ остолбенѣлый и смотрѣлъ генералу своему въ глаза. "Ну больше ничего, ступай! сказалъ Депрерадовичъ и будь скроменъ: у насъ сегодня будетъ новый императоръ." Юноша отправился съ радостью въ сердцѣ и былъ увѣренъ, что всѣ его товарищи встрѣтятъ эту новость съ восхищеніемъ. Но онъ умѣлъ соблюсти тайну, не далъ ее проникнуть ни даже своимъ кузинамъ. Съ товарищами своими онъ въ тотъ день не ви-

дался. Въ 9 часовъ вечера адъютантъ пріѣзжаетъ къ своему генералу и тотъ ему говоритъ. “Поди на полковой дворъ; тамъ собранъ баталліонъ въ строю; обойди по шеренгамъ и раздай патроны самъ каждому солдату въ руки по свертку, какъ они приготовлены.” Адъютантъ исполнилъ это приказаніе и послѣ того, часа полтора или болѣе спустя, пришелъ Деперерадовичъ, и обойдя по шерегамъ, сталъ по серединѣ, и самымъ тихимъ голосомъ скомандовалъ. “Смирно! Заряжай ружья съ патронами!” Во время заряжанья ихъ безпрестанно повторялъ “тише, какъ можно тише.” — Наконецъ, довольно медля, спросилъ: “Все ли готово?” и потомъ, также весьма тихо скомандовалъ: “По отдѣленіямъ, на право, маршъ.” Господа офицеры, тише нежели въ полголоса скомандовали “стой,” а генералъ также “маршъ” — путь свой направили къ Михайловскому замку, идя сколь возможно медленнѣе безъ всякаго шума и розговоровъ. Офицеры соблюдали молчаніе и рядовымъ приказывали то же.

Въ Преображенскомъ подку дѣлались такія же приготовленія, но не такъ медленно. Не смотря однакоже па большую гласность заговора, немногіе гвардейскіе офицеры приглашены были къ

содѣйствію. Преображенскій баталліонъ выведенъ былъ только съ 6 офицерами. Въ Семеновскомъ было около того же числа, и изъ тѣхъ нѣкоторые приглашены были почти въ самую минуту дѣйствія. Мнѣ извѣстно, что къ одному Преображенскому офицеру, который жилъ у своего родственника, пріѣхалъ полковой адъютантъ Аргамаковъ съ другими офицерами около 11 часовъ вечера и, остановясь у подъѣзда, послали звать его къ себѣ въ карету. Офицеръ былъ въ халатѣ и туфляхъ; онъ такъ и пошелъ къ нимъ. Хозяинъ квартиры поручилъ ему звать гостей сихъ убѣдительно въ комнату, но по прошествіи получаса, узналъ что они родственника его увезли съ собою и что въ карету къ нему подали всю фрунтовую одежду и все вооруженіе офицерское. Хозяинъ зналъ о заговорѣ; но такъ какъ разговоры объ этомъ прислушались, въ досадѣ что пріятели не взошли къ нему, не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія, такъ что безъ размышленія легъ спать и поутру разбуженъ былъ уже поздравленіями съ новымъ царемъ. Въ подпору заговорщикамъ не было другой вооруженной силы какъ баталліонъ Преображенскаго полка. Въ Измайловскомъ полку довольствовались тѣмъ, что послали нѣкоторыхъ

офицеровъ напоить пьянѣе обыкновеннаго командира онаго генералъ-лейтенанта Милютина. И этотъ противъ своего благодѣтеля!

Командиръ лейбъ-гусарскаго полка Кологривовъ тоже любилъ подгулять, а такъ какъ онъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ былъ подъ гнѣвомъ государя, то ф. д. Паленъ послалъ именемъ императора его арестовать, почему онъ не смѣлъ выѣхать изъ дому, ничего не зналъ и также прогулялъ съ пріятелями. Опаснѣйшій для заговорщиковъ изъ всѣхъ приверженцевъ государя, графъ Аракчеевъ, былъ также въ немилости и въ отставкѣ въ своемъ Грузинѣ. Павелъ, узнавъ уже о заговорѣ, и можетъ быть несовершенно довѣряя Палену, послалъ къ нему приказаніе пріѣхать. Его ожидали въ Петербургъ въ туже ночь съ 11 на 12 Марта. Вѣроятно, что это самое обстоятельство заставило эту самую ночь избрать для исполненія заговора, дабы упредить пріѣздъ Аракчеева. Военный губернаторъ приказалъ на заставѣ не впускать графа Аракчеева въ городъ, а задержавъ, прислать спросить о въѣздѣ его, объявя что это по волѣ императора.

Такимъ образомъ отстранены были всѣ тѣ, которыхъ они могли опасаться, кромѣ Кутайсова,

который ничего не понималъ. Но всего удивительнѣе какими доводами графъ Паленъ могъ убѣдить государя перемѣнить караулъ въ Михайловскомъ замкѣ. Поутру съ разводомъ, занялъ всѣ посты Семеновскій полкъ, передъ сумерками поставили Преображенскій, а во внутренній караулъ одного изъ заговорщиковъ поручика Марина. Иные увѣряютъ, будто бы Паленъ успѣлъ въ томъ, положивъ сомнѣнье государя на вѣрность начальника онаго Депрерадовича. Это невѣроятно, ибо въ такомъ случаѣ надобно было сказать Павлу, что возмущеніе въ туже ночь должно вспыхнуть; но непримѣтно, чтобы Павелъ сколько нибудь къ тому приготовился.

Наконецъ около 11 часовъ вечера (11 Марта 1800 г.) заговорщики собрались въ квартиру генералъ-лейтенанта Талызина, что въ лейбъ-гвардейскомъ корпусѣ, т. е. въ пристройкѣ Зимняго Дворца, гдѣ всегда квартировалъ 1 баталліонъ Преображенскаго полка. По мнѣнію многихъ, тутъ издержано большое количество шампанскаго; но родной братъ одного изъ заговорщиковъ, увѣрялъ меня твердо, что выпито было только по одному бокалу, и то уже по пріѣздѣ ф. д. Палена. Я полагаю средину между этими двумя крайностями. Около часа дожидали военнаго губер-

натора, въ половинѣ 12 онъ пріѣхалъ. Всѣ вышли въ залу его встрѣчать. Онъ, не снимая шляпы, спросилъ: "Все ли готово?" — Все, отвѣчали ему, — "Ну хозяинъ, при этомъ случаѣ надобно шампанскаго!" — Ф. д. Паленъ, выпивая первый, сказалъ твердымъ, но скромнымъ голосомъ: "Поздравляю васъ съ новымъ государемъ! — Покуда господа, вамъ надобно раздѣлиться — нѣкоторые пойдутъ со мною, другіе съ княземъ Платономъ Александровичемъ. Раздѣляйтесь!..' Никто не трогался съ мѣста. "А, понимаю, сказалъ Паленъ" — и сталъ разстановливать безъ разбора по очереди, одного на право, другого на лѣво, кромѣ генераловъ. Потомъ, обратясь къ Зубову, сказалъ: "Вотъ эти господа пойдутъ съ вами, а прочіе со мною; мы и пойдемъ разными комнатами. Идемъ!" Всѣ отправились въ Михайловскій замокъ. И Преображенскій баталліонъ пошелъ туда же скорымъ шагомъ. Впущены были они въ замокъ безъ всякаго затрудненія, и подъемный мостъ передъ ними опустился. Обѣ партіи скоро соединились, но самъ ф. д. Паленъ пошелъ въ комнаты императрицы и, разбудя штатсъ-даму, которая всегда спала передъ спальнею императрицы, сѣлъ въ ногахъ ея кровати и сталъ разсказывать что дѣлается въ

замкѣ и какъ бы предупредить о томъ императрицу, дабы не произошло какой нибудь внезапной суматохи. Между тѣмъ заговорщики были уже близь окончаніи своего дѣла. Они, когда проходили внутренніе караулы, то караулъ для почести генераламъ, стоялъ передъ нимъ въ ружье, и когда прошли они далѣе, то Маринъ держалъ весь караулъ подъ ружьемъ, дабы сильнѣе содержать его въ повиновеніи, такъ что уже солдаты услышали крики и шумъ и стали роптать. Маринъ, послѣ многихъ повтореній "стоять смирно!" прибѣгнулъ къ другому средству, сказавъ: "Старые Екатериненскіе гвардейцы впередъ!" и, когда они выступили, то онъ присовокупилъ: "ежели эти негодяи гатчинскіе пикнутъ хоть слово, то въ штыки ихъ ребята!" Безъ сомнѣнія караулъ былъ подобранъ такъ, что большее число было не гатчинскихъ.

Когда заговорщики прошли къ спальнѣ императора, то у дверей оной нашли спящаго гусара. Онъ вскочилъ и возгласилъ: "Не извольте входить, императоръ почиваетъ!" Его хотѣли оттолкнуть, но онъ сопротивлялся. Николай или Валеріанъ нанесъ ему ударъ саблею такъ, что перерубилъ руку. Павелъ, услыша шумъ, вскочилъ съ кровати, но въ испугѣ не нашелъ двери,

которая вела на потаенную лѣстницу и спрятался въ каминъ, заслоненный экраномъ. Заговорщики войдя, тщетно искали его нѣсколько минуть, но когда отодвинули экранъ, то луна освѣтила ноги стоявшія въ каминѣ. Когда вытащили Павла изъ камина, и между тѣмъ выщитывали ему всѣ его жестокости, то онъ упалъ передъ ними на колѣни, просилъ прощенія и обѣщалъ что не станетъ ничего этого дѣлать и будетъ вести себя сообразно ихъ волѣ, и предлагалъ взять отъ него подписку, въ которой онъ дастъ всякія условія, какія имъ угодно. Нѣкоторые стали излишне болтать и даже выдумывали эти условія, иные предлагали ему отречься отъ престола въ пользу наслѣдника; онъ и на это согласился. Бенигсенъ первый унялъ это пустословіе, сказавъ: "Развѣ мы затѣмъ собрались и пришли сюда, чтобы разговаривать?" Съ симъ словомъ мгновенно силачь Николай Зубовъ ударилъ императора, стоявшаго на колѣняхъ, золотою табакеркою въ лѣвый високъ. Павелъ повалился и всѣ бросились его доканчивать. Вдругъ императрица Марія Ѳеодоровна ломится въ дверь и кричитъ: "Пустите, пустите!" Кто-то изъ Зубовыхъ сказалъ: "Вытащите вонъ эту бабу." Евсей Гордоновъ, мущина сильный, схватилъ ее

въ охабку и принесъ какъ ношу, обратно въ ея спальню. Надобно замѣтить что императрица была въ одной рубашкѣ.

Долго не могли умертвить Павла; онъ былъ полонъ жизни и здоровья. Наконецъ сняли шарфъ съ Аргамакова (онъ одинъ былъ только въ шарфѣ) и, сдѣлавъ глухую петлю, задушили, оставивъ много знаковъ на лицѣ отъ нанесенныхъ ему ударовъ. Тѣмъ временемъ Преображенскій баталліонъ, подъ начальствомъ Талызина, стоялъ противу подъемнаго моста и заряжалъ свои ружья боевыми зарядами. Господа офицеры разными остротами и прибаутками возбуждали солдатъ противъ императора. Семеновскій же баталліонъ шелъ такъ медленно, что когда голова его показалась въ воротахъ дворца изъ Садовой, то князь Петръ Михайловичъ Волконскій, какъ старшій адъютантъ этого полка, бывшій тогда при наслѣдникѣ, встрѣтилъ его верхомъ и кричалъ: "Помилуйте Леонтій Ивановичъ, вы всегда опаздываете!" и на отговорки Депрерадовича, воскликнулъ: "Ну теперь все равно, поздравляю васъ съ новымъ государемъ!"

Такимъ несчастнымъ образомъ погибъ полномочнѣйшій властитель величайшей державы въ мірѣ, человѣкъ, рожденый съ великими, хорошими

способностями, даже хорошо образованный и съ благородными побужденіями. Почему всѣ эти средства не спасли его отъ погибели? Потому что первымъ качествомъ человѣка должно быть умѣнье управлять своими страстями, и тогда только онъ можетъ управлять другими. Гораздо бо́льщее число заговорщиковъ и гораздо осторожнѣе веденный заговоръ не могъ бы успѣть въ этомъ убійствѣ, еслибъ не было на то, такъ сказать общаго согласія всей столицы и общаго желанія всей Россіи. Правда, что Павелъ не имѣлъ такого просвѣщеннаго взгляда на бытъ государственный, который при воспитаніи сообщенъ былъ Александру. Это, опять повторяю отъ того, что Екатерина не смѣла смѣнить Панина какимъ нибудь образованнымъ Европейцемъ. Она вѣроятно боялась притомъ, покушенія Орловыхъ, которымъ она слишкомъ предалась было сначала. Въ этомъ случаѣ, Екатерина заплатила общую дань слабости человѣческой. Притомъ же она тогда менѣе опытна была чѣмъ при воспитаніи своего внука.

Въ ночь убійства, генералъ Уваровъ съ 5 или 6 офицерами отправленъ былъ къ наслѣднику престола для удержанія его въ бездѣйствіи. Александръ плакалъ и рвался безпрестанно идти на

помощь къ своему отцу. Гг. офицеры загоражали ему путь, становились на колѣни, и, простирая руки, умоляли его всѣми возможными убѣжденіями и даже ложными обѣщаніями, что Павелъ не лишенъ будетъ жизни, не стремиться къ отцу и подождать возвращенія отъ него заговорщиковъ. Такимъ образомъ протянули время до тѣхъ поръ, пока главные ихъ сообщники успѣли провозгласить его императоромъ. Благодушный Александръ отвѣтствовалъ на это поздравленіе горькими слезами, и показался на короткое время двору своему смущенъ и грустенъ.

Великій князь Константинъ въ это время былъ арестованъ отцемъ своимъ за какія-то неисправности по полку Измаиловскому, котораго онъ былъ шефомъ, и спалъ безпечно въ своихъ комнатахъ.

Нѣтъ возможности описать восторгъ столицы при распространившейся вѣсти о смерти Павла. Заговорщики, изъ дворца на разсвѣтѣ дня 12 Марта, разсыпались по знакомымъ, во всѣ концы Петербурга. Съ бѣшеною радостью вбѣгая въ дома громогласно еще изъ прихожей кричали они. "Ура! поздравляю съ новымъ государемъ!" Гдѣ дома были заперты, тамъ сильно и съ крикомъ стучались такъ, что разбужали всю улицу

и каждому, высунувшемуся въ окошко лицу, провозглашали свою новость. Всѣ изъ домовъ выбѣжали и пустились по городу съ этой вѣстью. Многіе столько были восхищены, что со слезами на глазахъ кидались въ обятія къ людямъ совершенно незнакомымъ и поздравляли съ новымъ государемъ. Въ 9 часовъ утра на улицахъ была такая суматоха, какъ никогда не запомнятъ. Къ вечеру во всемъ городѣ не стало шампанскаго. Одинъ, не самый богатый погребщикъ продалъ его въ этотъ день на 60,000 рублей. Пировали во всѣхъ трактирахъ. Пріятели приглашали въ свои кружки вовсе незнакомыхъ и напивались до пьяна, повторяя безпрестанно свои крики въ комнатахъ, въ окнахъ и на улицахъ. Въ тоже утро появились на многихъ круглыя шляпы и другіе, запрещенные при Павлѣ наряды; встрѣчные, размахивая платками и шляпами, кричали имъ "браво!" Весь городъ, имѣвшій болѣе 300,000 жителей, похожъ былъ на домъ сумасшедшихъ.

Императрица Марія, не смотря на суровость и невѣрность своего мужа, была также огорчена, можетъ быть родомъ смерти его и поступками заговорщиковъ съ нею. Она немедленно потребовала отъ императора, чтобы Евсей Гордоновъ

былъ удаленъ. Его выписали тѣмъ же чиномъ въ какой-то армейскій кавалерійскій полкъ; но къ несчастію полкъ этотъ пришелъ на коронацію, и черезъ 5 мѣсяцевъ императрица опять увидѣла его въ Москвѣ и опять возобновила свое требованіе. Тогда Гордонова отставили и велѣли ему безвыѣздно жить въ деревнѣ. У него съ братомъ было только 7 душъ. Онъ просилъ у товарища своего Сафонова куда ему удалиться. Тотъ присовѣтовалъ ему проситься въ Курскую губернію, и близь своего имѣнія купилъ ему душъ 50 съ землею, гдѣ Гордоновъ, успокоенный своимъ сослуживцемъ прожилъ въ тишинѣ болѣе 30 лѣтъ. Въ 1814 г., по убѣдительной просьбѣ своихъ родныхъ, живущихъ въ С. Петербургской губерніи, онъ рѣшился ихъ посѣтить. Въ то время какъ родные съ нетерпѣніемъ его ожидали, является къ нимъ незнакомый человѣкъ и спрашиваетъ "не здѣсь-ли Евсей Гордоновъ, пріѣхавшій изъ Курска? Ему радостно отвѣчаютъ что его ожидаютъ ежеминутно, имѣя извѣстіе, что онъ уже выѣхалъ.

"Такъ я буду его дожидаться," отвѣчалъ незнакомецъ. "Я полицейскій офицеръ, присланный изъ Петербурга, чтобы отвезти его обратно." Вмѣсто радости, съ какимъ горемъ встрѣчали его

родные! Онъ пріѣхалъ черезъ сутки послѣ горестнаго провожатаго и, переночевалъ только одну ночь, отправился обратно въ свое жилище.

Прочіе убійцы Павловы были большею частію разосланы по деревнямъ. Талызинъ умеръ черезъ 2 мѣсяца, Николай Зубовъ черезъ 7 мѣсяцевъ и Валеріанъ черезъ 2 года и 4 мѣсяца, какъ подозрѣваютъ всѣ, не безъ отравы. Ф. д. Паленъ былъ также удаленъ. Всѣ увѣрены въ томъ, что онъ дѣйствовалъ на двое, и, выигрывая время, то передъ спальней императрицы, то у древей потаенной лѣстницы, онъ прислушивался какъ идетъ дѣло, и, еслибы оно не удалось, то онъ готовъ былъ явиться на помощь Павлу и перевязать всѣхъ заговорщиковъ.

Увидительно что изъ нихъ одинъ Уваровъ, человѣкъ слабый, ограниченный и необразованный сохранилъ до самой смерти въ продолженіи болѣе 20 лѣтъ милость и любовь императора Александра. Бенигсенъ употребляемъ былъ въ службѣ во все время его царствованія. Волконскій и Маринъ также не потеряли своей карьеры.

Кстати здѣсь разсказать анекдотъ, доказывающій какъ многимъ былъ извѣстенъ этотъ заговоръ. Какой то Екатериненскій вельможа (я полагаю, что графъ Апраксинъ, ибо я слышалъ

это отъ престарѣлой дѣвицы Пр. А. Апраксиной, которая называла его дѣдомъ) жилъ смиренно въ домѣ своемъ на царскосельскомъ лугу. У него ежедневно былъ съѣздъ родныхъ, такъ что всегда до 20 чел. садилось за столъ. Марта 11 въ вечеру, одинъ изъ его внуковъ, камеръ-юнкеръ тогдашняго двора, молодой взбалмашный повѣса, сидя за ужиномъ, что было уже около полуночи, безотвязно просилъ у дѣдушки своего шампанскаго. Тотъ долго не хотѣлъ исполнить его прихоть, наконецъ согласился. Когда налито было шампанское, молодой человѣкъ часто поглядывалъ на часы. Наконецъ схвативъ бокалъ и громко возгласилъ: "Поздравляю съ новымъ императоромъ!" Всѣ взвизгнули въ одинъ голосъ и, выскочивъ изъ за стола, разбѣжались по внутреннимъ комнатамъ. Повѣса, оставленъ одинъ и не дождавшись ничьего возвращенія, уѣхалъ. Черезъ нѣсколько часовъ предсказаніе его сбылось. Графиня, бывшая свидѣтельницею, говорила мнѣ, что этотъ молодой человѣкъ, по вѣтренному характеру своему и болтливому языку, никакъ не могъ быть въ числѣ заговорщиковъ и вѣрно зналъ о томъ только по слуху.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ А. Ѳ. ВОЕЙКОВА.

Не графъ Паленъ зачинщикъ заговора противъ императора Павла, первая мысль была гр. Никиты Петровича Панина.*)

Питтъ съ восторгомъ ухватился за нее, когда Ольга Александровна Жеребцова, урожденная Зубова, (родная сестра г. Платона Алекс.) сообщила ему ее, и щедрою рукою отсыпалъ серебренники: ибо между заговорщиками находился и Іуда предатель. Не знаю какъ подѣлили ихъ, но знаю, что огромныя суммы остались у графа Палена, который не всыпалъ ихъ въ сокровищницу церковную и не удавился отъ раскаянія.

---

*) Воейковъ, авторъ Дома сумасшедшихъ, будучи знакомъ съ Леонтьемъ Вас. Дуббельтомъ, прочитывалъ ему свои записки и изъ осторожности просилъ его, какъ управляющаго жандармскою частью сдѣлать на оригиналѣ ихъ подпись, что записки тѣ имѣть у себя Воейкову дозволяется. Желаніе его, какъ онъ разсказывалъ своимъ знакомымъ, было Дуббельтомъ удовлетворено.

Все ужасное слово: цареубійца принадлежитъ ему, другіе были только орудіемъ.

Бенигсенъ помогалъ ему какъ Англичанинъ, ибо худо приходилось Англіи отъ союза Павла съ Наполеономъ.

Я, будучи записанъ съ колыбели въ конную гвардію, вступилъ въ дѣйствительную службу въ концѣ 1796 года, вскорѣ по восшествіи на престолъ Павла I, 18 Января 1797 былъ произведенъ въ офицеры, въ концѣ 1798 исключенъ изъ службы, а въ Январѣ 1800 опять принятъ въ службу. Я былъ въ эти четыре года сто разъ арестованъ, мнѣ запрещенъ былъ въѣздъ въ обѣ столицы, слѣдовательно я бы долженъ былъ быть въ числѣ недовольныхъ.

Благословляю Бога за то, что ни я, ни братъ мой, ни одинъ изъ офицеровъ конной гвардіи не были замѣшаны въ этомъ заговорѣ, ни отецъ мой и дядя.

Императоръ Павелъ былъ истинный царь по остротѣ ума, образованности, щедрости и великодушію.

Отъ природы вспыльчивый и нетерпѣливый, при чемъ былъ испорченъ сперва раболѣпными нянками и мамками и императрицею Елисаветою Петровною, которая въ самую минуту рожденія

его схватила его подъ подолъ юбки, унесла на свою половину, весьма рѣдко показывала вел. княгинѣ его родительницѣ и продержала до самой своей кончины, т. е. до десятилѣтняго его возраста, между глупыми бабами двора своего, богомольными до ханжевства. Фавориты императрицы Екатерины и въ особенности князья Потемкины и Зубовы раздражали его и, гдѣ только могли — унижали.

Дерзость послѣднихъ изъ нихъ доходила до невѣроятности. Однажды, за обѣдомъ гдѣ находилось человѣкъ до 40, наслѣдникъ сидѣлъ подлѣ Екатерины, а Зубовъ по другую сторону. Зашелъ о чемъ-то споръ, всѣ, а въ томъ числѣ и Зубовъ, объявили свое мнѣніе, но в. к. Павелъ Петровичь не принималъ никакого участья. Императрица обратилась къ нему съ вопросомъ: "а вы в. высочество какъ объ этомъ думаете." — "Я согласенъ съ мнѣніемъ Платона Александровича" отвѣчалъ в. князь.

"Надобно же", подхватилъ насмѣшливо избалованный фаворитъ, "чтобы я сказалъ большую глупость."

Екатерина законодательница, Екатерина героиня, великая жена, исполнительница мудрыхъ

предначертаній Петра великаго, платила дань человѣчеству постыднымъ сластолюбіемъ.

Она безъ мѣры награждала своихъ любимцевъ и мѣняла ихъ, какъ почтовыхъ лошадей, выбирала всегда мальчишекъ, сержантовъ гвардіи.

Первымъ изъ нихъ былъ еще при жизни Елизаветы Петровны, камеръ-геръ Салтыковъ, ничтожный и распутный; его смѣнилъ Понятовскій (впослѣдствіи возведенный и сверженный ею въ Польскаго престола), почти 10 лѣтъ прожилъ онъ въ самой нѣжной связи съ нею. Григорій Орловъ, возведенный ею въ графское, а потомъ въ княжеское достоинство, пользовался ею тоже почти 10 лѣтъ. Князь Потемкинъ, хотя удалившійся отъ двора, оставался всегда однимъ изъ сильнѣйшихъ и довѣреннѣйшихъ вельможъ.

Преемники ихъ, какъ-то долго не стояли и кромѣ Ланского, скончавшагося въ цвѣтущихъ лѣтахъ, и Зубова, рѣдкіе оставались въ фаворѣ болѣе года.

Случилось, что государыня въ присутствіи стариннаго друга своего, Льва Александровича Нарышкина, очень хвалила голосъ тогдашняго своего фаворита Римскаго-Корсакова и назвала его, *соловьемъ.* "Жаль что эти соловьи поютъ только до Петрова дня," замѣтилъ ей тонкій ца-

редворецъ, намѣкая на частую ихъ смѣну, всегда случавшуюся во время переѣзда двора въ Царское село.

И каждый изъ этихъ однодневныхъ насѣкомыхъ искалъ уязвить в. князя прямо или стороною, старались сокращать его доходы, которыхъ и такъ ему не доставало, уменьшать число его Гатчинскихъ баталліоновъ, ограничить власть его генералъ-адмирала, высказывать свое высокомѣріе, свою значительность въ придворныхъ собраніяхъ. Но все это можно бы было поправить, если бы окружающіе императора, по возшествіи его на престолъ, вельможи, пеклись болѣе о благѣ отечества, и поменьше о своихъ корыстяхъ.

Еслибы Ник. Мих. *Архаровъ*, к. Алексѣй Борисовичь *Куракинъ*, *Обольяниновъ*, гр. *Кутайсовъ*, гр. *Ростопчинъ*, гр. *Аракчеевъ*, и кн. *И. В. Лопухинъ* не очернили въ глазахъ его митрополита Платона, кн. Рѣпнина, Плещеева, гр. Завадовскаго, кн. Безбородку, гр. Маркова, то его царствованіе могло бы быть продолжительно и счастливо.

Добрые вельможи умѣряли бы его вспыльчивый характеръ, обращали къ благой цѣли его нетерпѣнія, медленно исполняли бы его жесткіе приговоры, въ пылу гнѣва произнесенные и быстро

вознаграждаемые щедротами и милостями. Намъ Русскимъ не надо ходить въ чужія лѣтописи за примѣрами: посмотримъ на царя Іоанна Грознаго, руководимаго совѣтами Адашева и Сильвестра, и на того же царя, окруженнаго Татарами, Черкесами и буйной опричиной.

Архаровъ вышелъ изъ мелкихъ полицейскихъ чиновниковъ въ частные пристава, потомъ отличнымъ полицмейстеромъ и славнымъ оберъ-полицмейстеромъ въ Москвѣ*), потомъ генералъ-губернаторомъ Новгородскимъ и Тверскимъ при Екатеринѣ II, и С. Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, при Павлѣ.

Вмѣстѣ съ необыкновеннымъ умомъ для слѣдствій, съ сладкимъ краснорѣчіемъ, съ удивительною, неутомимою дѣятельностью, соединялъ онъ ненасытное корыстолюбіе и непомѣрную жестокость въ наказаніяхъ. Слово: *нещадно*, кажется, имъ самимъ и для него было выдумано.

К. Александ. Борис. *Куракинъ* пользовался особеннымъ благоволеніемъ и, вмѣстѣ съ великолѣпнымъ братомъ своимъ Алексѣй. Борис. Кура-

*) Память объ Архаровѣ пережила въ Москвѣ болѣе полустолѣтія. И въ настоящее время простой народъ называетъ тамъ полицейскую комнату Архаровскимъ полкомъ.

кинымъ, считались домашними людьми при маленькомъ дворѣ Павла Петровича.

По вступленіи его на престолъ, онъ занималъ важныя должности въ хорошемъ смыслѣ слова. Его развратная жизнь, мотовство, хлопотливость безъ всякой пользы, проэкты неисполнимые или пустые, недостатокъ образованія, хотя при умѣ отъ природы, остротѣ, дѣлали его тяжелымъ для подчиненныхъ и неправосуднымъ, при благородномъ стремленіи его къ правосудію.

Мы видѣли его гораздо позднѣе весьма обыкновеннымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Обольяниновъ былъ бы порядочнымъ уѣзднымъ судьею: должность генералъ-прокурора, до учрежденія министерства, еще обширнѣйшая должность министра юстиціи, вовсе задавили его.

Въ *Кутайсовѣ* и подъ голубой лентой билось лакейское сердце.

Петръ Васильевичъ *Лопухинъ* былъ одаренъ необыкновенными способностями. Онъ при Екатеринѣ былъ уже Ярославскимъ генералъ-губернаторомъ. При благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ которыя фортуна поставила его при императорѣ Павлѣ Петровичѣ, когда дочь его Анна была любовницею государя, онъ могъ бы дѣйствовать смѣлѣе чѣмъ кто нибудь, но лѣнивый и сладо-

страстный, охотникъ до собакъ и шутовъ, ему именно не доставало того высокородія, съ какимъ сенаторъ К. Я. Ѳ. Долгорукій предъ Петромъ великимъ стоялъ за правду и говорилъ.

Гр. *Ростопчинъ,* ума остраго, памяти удивительной, образованный, словолюбивый, но гибкій царедворецъ, при всемъ желаніи быть прямымъ, еще не столь твердый на паркетѣ, какъ Куракинъ, Лопухинъ, Кутайсовъ, онъ раболѣпствовалъ, хотя способенъ былъ къ великимъ дѣламъ, которыми ознаменовалъ себя въ великомъ 1812 году.

При Павлѣ Петровичѣ онъ возвышался, обогащался и берегъ свою кожу.

О гр. *Аракчеевѣ,* о любимцѣ Павла кн. *Мещерскомъ* о *Линденерѣ* не стану распространяться. Дѣла ихъ у всѣхъ въ свѣжей памяти. Они раздражали государя противъ его вѣрноподданныхъ, а подданныхъ, разными выдумками и грозными слухами, пугали и вооружали противъ государя.

Они вмѣстѣ съ Архаровымъ и Обольяниновымъ, хотя и были осыпаемы милостями Павла и ему были преданы, но много помогли злодѣйскому замыслу графовъ Панина и Палена.

Генералъ гр. Леонтій Леонтьевич *Бенигсенъ.*

Бенигсенъ, изъ Гановерскихъ дворянъ, вѣчно въ россійскомъ подданствѣ никогда быть не желалъ и причины тому не изъявлялъ. Сначала онъ служилъ въ Гановерской пѣхотной гвардіи и въ чинѣ подполковника въ 1773 году перешелъ въ русскую службу и принятъ премьеръ-маіоромъ Онъ опредѣленъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ сверхъ комплекта, и изъ онаго пожалованъ въ подполковники въ 1776 году. Бенигсенъ сдѣлалъ Турецкую кампанію подъ начальствомъ Румянцова, потомъ участвовалъ подъ начальствомъ Потемкина во всѣхъ его походахъ. Онъ былъ при Очаковѣ, при Бендерахъ, потомъ былъ посланъ въ Польшу и заслужилъ особое расположеніе Суворова, который поздравилъ его съ чиномъ генералъ-маіора въ 1794 году. Въ первый разъ я встрѣтилъ Бенигсена въ кремлевскомъ дворцѣ въ день коронованія императора Александра и съ невольнымъ почтеніемъ остановился предъ этой величавой фигурой. Онъ былъ въ общемъ генеральскомъ мундирѣ съ Александровскою лентою и съ Георгіемъ на шеѣ.

Высокій, сухощавый съ длиннымъ лицемъ и орлинымъ носомъ, съ видной осанкой, прямымъ станомъ и холодной физіономіей, онъ поразилъ меня своею наружностью. Между круглыми,

скулистыми и курносыми лицами русскихъ генераловъ и сановниковъ. Я сталъ разспрашивать о немъ знакомыхъ мнѣ офицеровъ, мнѣ сказали: "Это Бенигсенъ!"

Онъ тогда уже былъ извѣстенъ храбрыми подвигами въ Турецкую о Польскую кампанію въ 1794 г. подъ начальствомъ всесокрушающаго Суворова, но еще болѣе преступнымъ участьемъ въ цареубійствѣ и словами, отъ которыхъ у добродѣтельныхъ людей, волосы становятся дыбомъ. Когда заговорщики съ оружіемъ въ рукахъ ворвались въ спальню имп. Павла, сей злосчастный монархъ, испугавшись буйной, полупьяной толпы, соскочивъ съ кровати, скрылся за экраномъ камина. Не найдя его, святотатцы оробѣли; но Бенигсенъ съ сатанинскимъ хладнокровіемъ подошелъ къ постели, пощупалъ ее рукою и скасалъ: Le nid est chaud, l'oiseau n'est pas loin."

Эти слова ободрили толпу; заговорщики обшарили всѣ углы небольшой комнаты, нашли его и дерзко вытащили изъ за экрана.

Бенигсенъ первый далъ совѣтъ умертвить его, сказавъ Зубову: "les demi-mesures ne valent rien" (Я слышалъ это оть капитана *Марина* и отъ л. г. егер. полка *Огонь-Догоновича*. Этотъ

Маринъ извѣстенъ сатирическимъ переложеніемъ оды Ломоносова изъ Іова, съ примѣненіемъ обстоятельствъ ея къ службѣ русскаго офицера при Павлѣ).

Долго спустя въ 1812 году Бенигсенъ, желая смыть царскую кровь съ рукъ своихъ, разсказывалъ о дворцовомъ переворотѣ 19 Марта генералу Кайсарову совсѣмъ иначе, т. е. хотѣлъ его надуть сказкой, которую имѣлъ время выдумать: "Я находился на Кавказѣ на службѣ" такъ началъ онъ, "и имѣя дѣло въ сенатѣ, тяжебное дѣло, просился въ Петербургъ въ отпускъ. Мнѣ было отказано, вмѣсѣ съ отказомъ я получилъ письмо отъ гр. Палена, въ которомъ онъ какъ С. Петерб. воен.-губернаторъ и сильный человѣкъ при императорѣ, приглашалъ меня тайно пріѣхать въ столицу, на короткой срокъ, для устройства дѣлъ моихъ."

"Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ прислалъ онъ ко мнѣ и паспортъ на проѣздъ въ С. Петербургъ.

"Тяжба моя была не шуточная; я поскакалъ, явился къ графу Палену, получилъ отъ него билетъ на проживаніе подъ именемъ повѣреннаго генерала Бенигсена, онъ взялъ съ меня слово не показываться ни въ какія публичныя мѣста до

разрѣшенія моего дѣла, которое обѣщалъ мнѣ исходатайствоватъ у государя."

"Такимъ образомъ жилъ я, выходя только къ сенатскому секретарю и оберъ-секретарю производившему мое дѣло. Это происходило въ Февралѣ."

"Тишина, однообразіе, скрытая жизнь въ отдаленной части города неожиданно прерваны были вечеромъ въ роковой день 11 Марта."

"Ко мнѣ пріѣхали всѣ три брата Зубовы, въ пошевняхъ, князь Платонъ, Александръ, и Валеріянъ. Послѣдній былъ со мной коротко знакомъ въ польскомъ походѣ. Насильно увезли меня они въ квартиру Платона Зубова гдѣ я нашелъ человѣкъ 30 офицеровъ. Насъ встрѣтили съ бокалами шампанскаго, пили за здоровье мое, съ неистовыми криками ура! Я осушилъ мой бокалъ съ благодарностью. Съ перваго шага въ эту комнату, я увидѣлъ какую-то суматоху, замѣтилъ, что часто перешептивались, произносили какія-то боязливыя слова, для меня не понятныя; я понялъ, что тутъ не простая вечеринка, гдѣ предсѣдаютъ вино, карты, пѣсенники и цыганы."

"К. Платонъ Александровичь не заставилъ меня долго искать разгадку: онъ взялъ меня подъ руку, ввелъ въ свой кабинетъ и началъ съ того,

что графъ Паленъ просилъ, или лучше сказать требуетъ слѣпой вѣры всему, что услышу отъ Зубовыхъ. Тутъ князь распространялся въ доказательствахъ о бѣдствіи государства, о несообразности ни съ климатомъ, ни съ русскимъ духомъ нововведеній въ гвардіи и арміи, удаленіе отъ службы заслуженныхъ генераловъ и государственныхъ людей, объ отмѣнѣ, пожалованной Петромъ III грамоты дворянству и городоваго положенія; о тѣлесныхъ наказаніяхъ дворянъ, о пыткахъ, о казняхъ, о доносахъ и наконецъ о замѣченныхъ признакахъ сумашествія у императора; о мѣрахъ, хотя прискорбныхъ и тяжкихъ, но необходимыхъ, которыя (будто бы) извѣстны Александру Павловичу и Маріи Өеодоровнѣ, и имѣютъ цѣлью: временное лишеніе императора его царской власти, и учрежденіе, до выздоровленія его, регентства, какъ учреждено оно было въ Англіи надъ королемъ Георгомъ III."

"К. Зубовъ наименовалъ нѣсколько своихъ единомышленниковъ, между которыми нашелъ я имена гр. Панина и г. А. Уварова, и другихъ осыпанныхъ милостями государя. К. остановился, ожидая моего отвѣта. Быстро я окинулъ мое опасное положеніе, въ которое хитрый покровитель мой меня поставилъ и увидѣлъ, что не было

другого средства выпутаться, какъ соединиться съ ними."

"Я протянулъ ему руку и отвѣчалъ: и на жизнь и иа смерть."

"Онъ бросился обнимать и тотчасъ вывелъ меня изъ кабинета къ обществу. — "*Нашъ еси Исаакій, да воспрянемъ съ нимъ!*" вскричалъ опять обнимая меня."

"Видно было, что это былъ пароль заговорщиковъ. Опять подали шампанское, опять ура!"

"Въ заключеніе переодѣли меня въ чей-то генеральскій мундиръ; мы сѣли съ Зубовымъ въ сани; за ними потянулся цѣлый поѣздъ."

"Далеко не доѣзжая до Михайловскаго замка мы соскочики съ саней и, крадучись одинъ зя другимъ, подошли къ нему."

"Дворецъ былъ окруженъ войскомъ, которое стояло въ мертвой тишинѣ, не смѣя шевельнуться ни брякнуть оружьемъ; ни промолвить слово."

"Я замѣтилъ баталліонъ Семеновскаго полка князя Вяземскаго; мы прошли мимо главной гауптвахты: солдаты, увидя толпу, зашевелились, но караульный капитанъ, *Маринъ*, скомандовалъ: "подъ курокъ!" выхватилъ два пистолета, сказалъ солдатамъ, что застрѣлитъ того, кто осмѣлится тронуться съ мѣста и прибавилъ: "не ваше

дѣло!" Полковой адъютантъ *Аргамаковъ* повелъ насъ по лѣстницѣ гусемъ, самъ же онъ шелъ далеко впереди какъ колонновожатый."

"Ему во всякую пору былъ дозволенъ входъ во дворецъ."

"Привыкнувъ быть всегда, впереди моего полка, я и тутъ былъ впереди маленькой колонны."

"Долго не понималъ я, какъ случилось, что я очутился одинъ въ спальнѣ императора, глазъ на глазъ съ нимъ и держа обнаженную шпагу. Послѣ я уже узналъ, что полупьяная толпа оробѣла, кинулась внизъ по лѣстницѣ, а предводители ихъ за ними."

"Между тѣмъ императоръ стоялъ въ одной рубашкѣ. У насъ произошелъ разговоръ, не болѣе 10 минутъ длившійся; мнѣ показались онѣ за вѣчность."

"Павелъ, дрожа отъ страха, стоялъ предо мной, блѣдный съ всклокоченнымн волосами, до того растрогалъ меня своимъ раскаяніемъ своими слезами и особенно невѣденіемъ многаго дѣланнаго его именемъ, что я готовъ былъ защищать его противъ цѣлаго свѣта."

"Настало молчаніе."

"Я вообразилъ, что коварство Палена и Зу-

бовыхъ придумало выбрать меня орудіемъ ихъ замысла; я поставилъ шпагу на полъ и остріемъ къ сердцу моему, и хотѣлъ заколоться."

"Вдругъ буйная толпа ворвалась съ неистовыми криками, въ спальню: впереди были всѣ три брата Зубовы."

"Государь упалъ на колѣни, плакалъ, просилъ о пощадѣ, отрѣкался отъ престола, умолялъ только о жизни."

"Многія поколебались."

"Преобр. полка офицеръ Скарятинъ закричалъ: "что вы ему вѣрите, завтра же мы будемъ всѣ на эшафотѣ!"

"Граф. Платонъ Зубовъ, зять Суворова, ударилъ стоявшаго на колѣняхъ, въ слезахъ императора, табакеркой въ лѣвый високъ. Онъ упалъ безъ чувствъ, но былъ еще живъ."

"На него кинулись Татариновъ, Скарятинъ, К. Яшвель... шарфъ Аргамакова помогъ окончить дѣло."

"Я ушелъ прежде, чтобы не быть свидѣтелемъ этого ужаснаго зрѣлища."

"Въ дворцовой революціи 12 Марта всего прискорбнѣе, всего ненавистнѣе для Русскаго то, что ее произвела не пламенная любовь къ отечеству, не желаніе спасти гражданъ отъ ти-

ранства; ее произвело личное мщеніе и золото Англіи. Да золото! спросите у Ольги Алекс. Жеребцовой, сестры Зубовыхъ, она еще жива. Она была любовницей Аиглійскаго посла при россійс. дворѣ, лорда Литворста и тайнымъ агентомъ Питта. Ее заговорщики послали въ Лондонъ къ Питту, который на упреки принца Condé, въ смерти Павла, холодно ему отвѣтилъ: "que m'importe comment, pourvu, que l'animal soit terrassé.

Выписка изъ записокъ

КНЯЗЯ ПЕТРА МИХАЙЛОВИЧА ВОЛКОНСКАГО.

(Царствованіе Павла I.)

6 Іюня.

Государь, заказавъ портному для себя новый мундиръ, приказалъ прислать къ себѣ въ Павловск золотошвея для вышитія петлицъ по случаю перемѣны формы въ гвардіи.

Золотошвей прибылъ рано утромъ въ маленькой *форменной* колясочкѣ, потому что дрожки были *запрещены*. По полученіи заказа работъ отъ государя, золотошвей послалъ съ мальчикомъ колясочку мимо дворца и балкона (гдѣ государь изволилъ всегда заниматься дѣлами съ секретарями), приказавъ мальчику идти пѣшкомъ и вести лошадь подъ уздцы.

Я въ то время былъ посланъ отъ наслѣдника къ генералъ-адъютанту Ливену; идя по бульвару, я увидѣлъ, что лошадь золотошвея испугалась

барабаннаго боя, вырвалась изъ рукъ мальчика, бросилась въ сторону на бульваръ, колесами задѣла за перила бульвара, стала бить задомъ.

Государь, увидавъ сіе изъ окна, пришелъ на мѣсто, гдѣ стала колясочка, приказалъ находящимся у входа двумъ инвалиднымъ унтеръ-офицерамъ выпрячь лошадь и бить ее съ двѣхъ сторонъ палками. Лошадь стала еще болѣе брыкаться; наконецъ приказавъ лошадь отдать на *съѣзжу*, возвратился во дворецъ.

ПОДРАЖНІЕ ЛОМОНОСОВУ.

МАРИНА.

(Писано въ царствованіе Павла I)

О ты, что въ горести напрасно
На службу ропщешь, офицеръ!
Шумишь и сердишься всечасно,
Что ты давно не кавалеръ!
Внимай, что царь тебѣ вѣщаетъ,
Онъ гласомъ ссоры прерываетъ,
Рукою держитъ эспантонъ —
Смотри! каковъ въ штиблетахъ онъ! —

Речетъ: сбери всѣ силы нынѣ
И стой такъ прямо, какъ солдатъ,
Гдѣ былъ, какъ въ унтерскомъ я чинѣ
Завелъ въ Россіи вахтъ-парадъ? —
Когда маршировать заставилъ
Явилъ въ маневрахъ и прославилъ
Величество и власть свою?
Подай-ка тактику свою.

Гдѣ былъ ты, какъ передо мною
Возросъ изъ алебардовъ лѣсъ,
Моей обдѣланный рукою?
Ты не видалъ такихъ чудесъ.
Когда солдаты всѣ одѣты,
Какъ бы бубновые валеты,
Тянули фронтъ передо мной:
Ты тутъ вкушалъ одинъ покой.

Кто съ деревянными кремнями
Солдатъ здѣсь выучилъ стрѣлять?
Къ спинѣ бѣлеными ремнями
Лопатки вздумалъ привязать?
Мундиры съ битью золотою
Не я-ли сильною рукою
На плечи офицеръ надѣлъ
И въ праздникъ ихъ носить велѣлъ?

Главы острижены солдатски
Ты могъ ли пуклями снабдить?
И ихъ одѣвши по дурацки
Въ казармы кучами набить?
И вдругъ, ударивши тревогу,
Подобно звѣрю, а не Богу,
Отъ трусости какъ листъ дрожать
И двухъ въ солдаты написать.

Въ болотахъ глинистыхъ и грязныхъ
Когда, и гдѣ ты увязалъ?
И офицеровъ безобразныхъ
Въ худыхъ мундирахъ гдѣ видалъ?
Не зря враговъ передъ собою
Приготовлялся ли ты къ бою,
Никто на коемъ не погибъ?
И взялъ ли приступомъ ты Бибъ. *)

Изъ бѣглыхъ могъ ли ты капраловъ,
Кои не смогутъ говорить,
Надѣлать кучку генераловъ
И имъ полки препоручить?
Ты могъ ли эспантонъ поправить?
И подъ арестъ за то отправить?
За вздоръ изъ службы исключить
Иль на вѣкъ въ крѣпесть засалить?

---

*) Укрѣпленіе въ Гатчинѣ.

Твоей ли хитростью Кутайцевъ
Играетъ роль большихъ вельможъ?
Мѣщанъ онъ душитъ такъ какъ зайцевъ
Дворянство все не ставитъ въ грошъ?
Въ моихъ палатахъ обитая,
Росеіянъ бѣдныхъ раззоряя,
Въ немъ видѣнъ точный Бусурманъ.
Такой талантъ тобой ли данъ?

Не ясна-ль въ томъ моя щедрота,
Велѣлъ, что головы рубить?*)
Пришлась тебѣ когда охота
Кадиломъ въ церквѣ покадить?
Священной ризою одѣту
Въ себѣ представить шута свѣту,
Служа обѣдню за попа?**)
Уже ли мысль сія глупа?

Ко удивленію же свѣта
Когда мундиры я кроилъ,
Зачѣмъ не подалъ мнѣ совѣта,
Чтобъ я покрой перемѣнилъ?
Когда я выдумалъ штиблеты,
Ботфорты, латы и колеты,
За чѣмъ тогда ты не сказалъ,
Чтобъ я иной всему видъ далъ?

Ума твоего предѣлы узки
Могли ли тайну ту понять,
Что Анна***) греческа, по Русски
Святую значитъ: благодать?

---

*) На Дону былъ казненъ казачій полковникъ за вину, стоющую только ареста.

**) Въ Гатчинѣ, въ придворной церкви Павелъ во всемъ церковномъ облаченіи служилъ обѣдню.

***) Въ честь своей любовницы Анны А. Лопухиной

Могли ли руки твои дерзки
Украсить шапки гренадерски,
Знамена, флаги кораблей
Любезной именемъ моей?

Скажи ты мнѣ, въ странахъ Россійскихъ
Кто славный акціонъ завелъ,
Чтобъ кто хотѣлъ крестовъ малтійскихъ,
За деньги, въ ономъ бы нашелъ!*)
Съ французами два года дрался,
Чтобъ островъ Мальта намъ достался,
На коемъ нѣтъ почти людей!
Дѣла то мудрости моей! —

Возмогъ ли ты хотя однажды
Гоненье шляпамъ объявить?
Велѣть Россіянамъ, чтобъ каждый
Престалъ бы круглыя носить?
Пучки и сапоги съ ушами
Указомъ истребить межъ вами,
Изгнатъ потомъ съ заносомъ фракъ?
А всѣ кричатъ, что я дуракъ!

Сіе служивый разсуждая,
Познай мою ты сильну власть,
И прусскій твой мундиръ таская
Имѣй свою въ терпѣньи часть,
Я все на пользу вашу строю:
Казню кого или покою,
Аресты, каторги сноси
И безъ роптанія терпи!

Павелъ приказалъ на знаменахъ и штандартахъ вѣшат
благодатъ.

*) Кресты малтійскаго ордена продавались.

Печатано въ типографіи Г. Пеца въ Наумбургѣ.

E. L. Kasprowicz, Leipzig.

Лютня II. Потаенная литература XIX-го столетія. 1874. 16⁰ 2 Thlr. (6 Mk.) Geb. 2 Thlr. 12 Ngr. (7 Mk. 20 Pf.)

Polen. Vergangenheit, Gegenwart, Zukunft. Eine historisch-politische Studie, mit dem Motto: „Die Wahrheit wird euch frei machen." 1870. 8. 20 Ngr. (2 Mk.)

Poniński, Graf A. Ueber den Verkehr der Geister des Jenseits mit den Menschen. Zwei öffentliche Vorträge in Leipzig. 1872. 2. Auflage. 8. $12^1/_2$ Ngr. (1 Mk. 25 Pf.)

Пушкинъ, А. С. Полное собраніе запрещенныхъ стихотвореній. 1874. 32⁰ 15 Ngr. (1 Mk. 50 Pf.) Geb. 25 Ngr. (2 Mk. 50 Pf.) (2. Auflage.)

Question italienne résolue. Projet peut-être réalisable par S... (Décembre 1862.) 8. 2 Ngr. (20 Pf.)

Овербекъ. Положеніе назначенное правосл. Россіи Бож. Провидѣніемъ. 1870. 15 Ngr. (1 Mk. 50 Pf.)

Пріиди ко Іисусу Христу. 1870. 15 Ngr. (1 Mk. 50 Pf.)

Рылѣевъ, К. О. Думы. 1874. 32⁰ 15 Ngr. (1 Mk. 50 Pf.) Geb. 25 Ngr. (2 Mk. 50 Pf.) (2. Auflage.)

Собраніе запрещенныхъ стиховъ и прозы. 1871. 12⁰ 15 Ngr. (1 Mk. 50 Pf.)

Святе письмо. Евангелия по Св. Матоеові. 1871. 6 Ngr. (60 Pf.)

Судъ правды надъ судомъ. Дѣло Т. Квитницкаго. 1873. 8⁰ 20 Ngr. (2 Mk.)

Тайна игры въ Рулетку и въ Трантъ и карантъ. 1871. (II. Изданіе.) 15 Ngr. (1 Mk. 50 Pf.)

Утѣшеніе и совѣты опыта извлеченные изъ журнала человѣка удрученнаго скорбью. 1872. 8⁰ 10 Ngr. (1 Mk.)

Международная Библіотека:

I. **Панаевъ.** Новгородское возмущеніе въ 1831 году. 1874. 12⁰ 15 Ngr. (1 Mk. 50 Pf.)

II. **Матеріалы** для біографіи Павла I-го. 1874. 12⁰ 20 Ngr. (2 Mk.)

III. **Князь Трубецкой.** Записки. 1874. 12⁰ 25 Ngr. (2 Mk. 50 Pf.)

IV. **Якушкинъ.** Записки. 1874. 12⁰ 25 Ngr. (2 Mk. 50 Pf.)

V. **Присутственный** день Уголовной Палаты. 1874. 12⁰ 25 Ngr. (2 Mk. 50 Pf.)

VI. **Объ аристократіи,** въ особенности русской. 1874. 22⁰ 20 Ngr. (2 Mk.)

Печатано въ типографіи Г. Пеца въ Наумбургѣ.

